

INSPIRIA

18+

twisted
GAMES

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ИГРА

АНА ХУАН

 INSPIRIA

Ана Хуан
Разрушительная игра
Серия «Circake. Бестселлеры
Буктока. Ана Хуан»
Серия «Twisted», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69526570

*Разрушительная игра:
ISBN 978-5-04-191010-5*

Аннотация

Это не разрушительная любовь. Это разрушительная игра, в которой на кону стоит любовь.

«Разрушительная игра» – вторая книга цикла Аны Хуан TWISTED. Цикл рассказывает о четырех очень разных подругах, каждая из которых обретает любовь. Одна книга – одна история любви.

Идеально для любителей романов Моны Кастен, Эрин Уатт и Л. Дж. Шэн.

В жилах Бриджит фон Ашеберг течет королевская кровь. Она всегда мечтала жить обычной жизнью, но когда ее брат отрекается от престола, Бриджит оказывается на троне.

Рис Ларсен – ее телохранитель, мужчина, которому принадлежит ее сердце, но которого она не имеет права любить.

Рис всегда придерживался двух правил: любой ценой защищать клиентов и никогда не поддаваться чувствам. Пока не встретил Бриджит...

Ее внутренний огонь раскалил Риса до предела и превратил его принципы в пепел.

«Восхитительная и очень горячая история, которая заставила меня кричать от восторга. Семейные секреты, будни королевской семьи и отличный пример построения гармоничных отношений. Идеальное средство от хандры». – Кристина Куликова (kkulikovabook), книжный блогер.

Содержание

Письмо читателям	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	72
Глава 7	90
Глава 8	103
Глава 9	115
Глава 10	127
Глава 11	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Ана Хуан

Разрушительная игра

Ana Huang

TWISTED GAMES (Twisted #2)

Copyright © 2021. TWISTED GAMES by Ana Huang

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2023

Всем девушкам, сказавшим:

*«К черту принца на белом коне, мне нужен
рыцарь со шрамами».*

Письмо читателям

Эта история продолжается четыре года и содержит несколько скачков во времени, особенно в первой части. Ее хронология пересекается с предыдущей книгой, «Разрушительная любовь».

Действие первой части происходит во время эпилога «Разрушительной любви» (прошлое); действие второй части происходит после него (настоящее).

Рекомендуется (но не в обязательном порядке) читать «Разрушительную любовь», чтобы понять происходящее.

Часть 1

Глава 1 Бриджит

– Отшлепай меня, хозяин! Отшлепай!

Я захихикала, глядя на лицо своего телохранителя Бута, когда в клетке заорал попугай Латекс. Имя попугая весьма красноречиво говорило о сексуальной жизни предыдущего владельца, и, хотя некоторым он казался забавным, Бут придерживался иного мнения. Он ненавидел птиц. Говорил, они напоминают ему гигантских летающих крыс.

– Когда-нибудь они с Латексом поладят. – Эмма, хозяйка «Вэгс энд Уискерс», цокнула языком. – Бедняга Бут.

Я сдержала очередной смешок, хотя мое сердце сжалось.

– Боюсь, что нет. Бут скоро уходит.

Я старалась об этом не думать. Бут провел со мной четыре года, но на следующей неделе он уходил в отпуск в связи с рождением ребенка, а потом планировал остаться в Эльдоре, чтобы побыть с женой и новорожденным. Я была за него счастлива, но понимала: мне его будет очень не хватать. Он стал не только моим телохранителем, но и другом, и оставалось лишь надеяться, что удастся выстроить подобные взаи-

моотношения с его преемником.

– Да, точно, совсем забыла. – Лицо Эммы смягчилось. Ей было шестьдесят с небольшим – короткие волосы с сединой и теплые карие глаза. – Так много перемен за столь короткий срок, дорогая.

Она знала, как я ненавижу прощания.

Я работала волонтером в «Вэгс энд Уискерс», местном приюте для домашних животных, с первого года учебы в колледже, и Эмма стала моей близкой подругой и наставницей. К сожалению, она тоже собиралась уходить. Она оставалась в Хазелбурге, но увольнялась с должности директора приюта, а значит, наши еженедельные встречи прекратятся.

– Одной из них *могло* не случиться, – сказала я, шутя лишь наполовину. – Ты могла остаться.

Она покачала головой.

– Я управляла приютом почти десять лет, пришло время уступить место кому-то другому. Тому, кто сможет чистить клетки *без* боли в пояснице и ногах.

– Для этого и существуют волонтеры. – Я показала на себя. Я не хотела усугублять ситуацию, но не сдержалась. Эмма, Бут, грядущий выпуск из Тайерского университета, где я училась на факультете международных отношений, как подобало принцессе... Столько прощаний сразу мне хватило на пять лет вперед.

– Ты чудо. Не рассказывай остальным, но... – она понизила голос до заговорщического шепота, – ты мой любимый

волонтер. Редко встретишь людей твоего положения, которые занимаются благотворительностью с искренним желанием, а не просто чтобы покрасоваться перед камерами.

Мои щеки порозовели от комплимента.

– Мне это приносит радость. Обожаю животных.

Я унаследовала это от матери. В конце концов, мне не так много досталось в память о ней.

В другой жизни я бы стала ветеринаром, но – в этой? Мой путь определен с момента рождения.

– Из тебя получилась бы прекрасная королева. – Эмма сделала шаг в сторону, пропуская работника приюта с вертлявым щенком на руках. – Правда.

Я рассмеялась:

– Спасибо, но правление меня не интересует. И в любом случае мои шансы на корону ничтожны.

Как принцесса Эльдорры, маленького европейского королевства, я находилась ближе к трону, чем большинство других людей. Мои родители погибли, когда я была ребенком (мать – во время родов, отец – в автокатастрофе несколькими годами позже), и я оказалась второй в очереди на трон. Мой брат, Николай, который на четыре года старше меня, готовился занять место нашего деда, короля Эдуарда, с тех пор, как начал ходить. Как только у Николая появятся дети, я окажусь еще дальше от престола, и я совершенно ничего не имею против. Королевой я хотела стать примерно так же сильно, как искупаться в ванне с кислотой.

Эмма расстроено нахмурилась:

– Ну, мое мнение останется прежним.

– Эмма! – позвал ее один из работников. – У нас тут проблема с кошками.

Она вздохнула.

– Вечно эти кошки, – пробормотала она. – В общем, я хотела рассказать тебе о своем увольнении прежде, чем ты услышишь новость от кого-то другого. Но до конца следующей недели я еще здесь, так что увидимся во вторник.

– Отличный план. – Я обняла ее на прощанье, и она поспешила разбираться с кошачьей дракой, пока я с тоской смотрела ей вслед.

Хорошо, что Эмма рассказала о своем уходе только в конце смены – иначе я бы не смогла больше ни о чем думать.

– Вы готовы, ваше высочество? – спросил Бут, явно желая поскорее убраться от Латекса.

– Да. Давай.

– Да, давай! – завопил Латекс нам вслед. – Отшлепай меня!

Глядя на гримасу Бута, я наконец рассмеялась.

– Я буду по тебе скучать, и Латекс тоже. – Я засунула руки в карманы пальто, спрятав их от кусачего осеннего холода. – Расскажи про нового телохранителя. Какой он?

Под ногами хрустели листья, пока мы шли к моему дому за пределами кампуса – до него было пятнадцать минут пешком. Я обожала осень и все, что с ней связано: уютную

одежду, безумие красок на деревьях, тонкий аромат корицы и дыма в воздухе.

В Атенберге я не смогла бы гулять по улице, не привлекая лишнего внимания, но Тайер дарил мне такое преимущество. Среди студентов было столько детей политиков и знаменитостей, что титул принцессы не казался чем-то исключительным. Я могла жить здесь почти как обычная студентка колледжа.

– Я почти ничего не знаю про нового телохранителя, – признался Бут. – Он контрактник.

Мои брови поползли вверх.

– Правда?

Иногда дворец нанимал частных контрактников в дополнение к королевской охране, но очень редко. Мне исполнился двадцать один год, и у меня ни разу не было телохранителя-наемника.

– Вроде как из лучших, – заверил Бут, принимая мое удивление за тревогу. – Бывший «морской котик»¹, великолепные рекомендации, опыт в охране ВИП-персон. Он самый востребованный профессионал в компании.

– Гм-м... – *Телохранитель-американец. Интересно.* – На-

¹ «Морские котики» – элитный отряд специального назначения Вооруженных сил США, который участвует в операциях, проводимых в любой местности. Однако лучше всего они подготовлены для проведения операций в прибрежных и морских условиях. Отсюда происходит и название SEAL («Морские котики»), которое является аббревиатурой от обозначения местностей, в которых отряд проходит подготовку: Sea – Air – Land (море – воздух – земля).

деюсь, мы поладим.

Когда два человека вынуждены находиться вместе 24/7, совместимость важна. Крайне. Я знала истории, когда люди не сходились с телохранителями характером, и подобное сотрудничество всегда длилось недолго.

– Не сомневаюсь. С вами легко поладить, ваше высочество.

– Ты говоришь так, потому что я твой босс.

Бут ухмыльнулся.

– Технически мой босс – начальник королевской службы безопасности.

Я игриво погрозила ему пальцем:

– Уже дерзишь? Не расстраивай меня.

Он рассмеялся. Хоть он и упорно называл меня *ваше высочество*, за годы сотрудничества между нами возникла непринужденная дружба, которую я очень ценила. Излишняя формальность меня утомляла.

Оставшуюся часть прогулки мы болтали о предстоящем отцовстве Бута и его переезде в Эльдорру. Он буквально светился от гордости за будущего ребенка, и я невольно почувствовала укол зависти – я была совершенно не готова к браку и детям, но мне хотелось того, что было у Бута и его жены.

Любовь. Страсть. *Выбор*. То, чего не купишь ни за какие деньги.

На моих губах появилась сардоническая улыбка. Несомненно, любой, кто услышал бы мои мысли, счел бы меня

неблагодарной и инфантильной. Любой материальный каприз исполнялся мгновенно – стоило мне щелкнуть пальцами, и при этом я ныла из-за любви.

Но люди остаются людьми вне зависимости от титулов, и некоторые желания универсальны. Правда, чтобы исполнить их, одного щелчка, увы, недостаточно.

Возможно, я влюблюсь в принца, который вскружит мне голову, но искренне в этом сомневаюсь. Скорее всего, дело закончится скучным, социально приемлемым мужем, который занимается сексом только в миссионерской позе и каждый год путешествует по одному и тому же маршруту.

Я отогнала унылые думы. Мне еще далеко даже до *мыслей* о браке, и нет никакого смысла переживать раньше времени.

Впереди показался мой дом, и я заметила на подъездной дороге незнакомый черный «БМВ». Судя по всему, он принадлежал новому телохранителю.

– А он рано. – Бут удивленно поднял бровь. – Должен был приехать не раньше пяти.

– Думаю, пунктуальность – хороший знак.

Хотя, *возможно*, полчаса – это слишком.

Дверь машины открылась, и на тротуар опустился большой черный ботинок. Через мгновение с водительского сиденья поднялся самый огромный мужчина, что я когда-либо видела, и у меня пересохло во рту.

Боже. Вот это да.

Мой новый телохранитель был почти два метра ростом,

и литые, рельефные мускулы покрывали каждый миллиметр его мощного тела. Черные волосы до плеч, стальные серые глаза и такие длинные ноги, что он за три шага преодолел разделявшую нас дистанцию.

Для такого крупного телосложения двигался он удивительно легко. Если бы я на него не смотрела, то вообще бы не заметила, как он приблизился.

Он остановился передо мной, и, готова поклясться, мое тело подалось вперед, не в силах противостоять его притяжению. Кроме того, мне странным образом захотелось запустить пальцы в густые темные локоны. Большинство ветеранов носили короткие прически в армейском стиле даже после увольнения, но он к ним явно не относился.

– Рис Ларсен, – его глубокий, серьезный голос ласкал, словно бархат. Теперь, когда он подошел ближе, я заметила маленький шрам на левой брови, добавляющий его темной красоте немного угрозы. На подбородке темнела щетина, а из-под рукавов рубашки выглядывали татуировки.

Полная противоположность аккуратным, гладко выбритым парням, в которых я обычно влюблялась, но эта мысль совершенно не помешала бабочкам затрепетать в животе.

Его появление так меня смутило, что я растерялась и молчала, пока не кашлянул Бут.

– Я Бриджит. Приятно познакомиться.

Я надеялась, никто из мужчин не заметит предательский румянец на моих щеках.

Я намеренно не стала упоминать титул «принцесса». Он казался слишком претенциозным для повседневного общения.

Тем не менее я заметила, что Рис не обратился ко мне «ваше высочество», как делал Бут. Я была не против – годами я пыталась уговорить Бута обращаться просто по имени, к тому же это был еще один знак: новый телохранитель совершенно не похож на старого.

– Вам придется переехать.

Я моргнула:

– Простите?

– Ваш дом, – Рис кивнул головой в сторону моего просторного, но уютного жилища с двумя спальнями, – совершенно небезопасен. Не знаю, кто одобрил такое место, но вам придется переехать.

Бабочки замерли.

Мы познакомились меньше двух минут назад, а он уже командовал мной, словно *он* тут главный. *Кем он себя возмнил?*

– Я прожила здесь два года. Проблем не возникало.

– И одной проблемы достаточно.

– Я не перееду.

Я подчеркнула сказанное непривычной для меня резкостью, но покровительственный тон Риса действовал на нервы.

Вся его привлекательность мгновенно улетучилась, не

оставив и следа в истории моих отношений с противоположным полом.

Впрочем, шансов все равно не было. В конце концов, он был моим телохранителем, но было бы здорово наслаждаться его внешним видом, *не испытывая желания* вышвырнуть его подальше.

Мужчины. Вечно они все портят, стоит им открыть рот.

– Вы же специалист по безопасности, – холодно добавила я. – Вот и разберитесь.

Рис хмуро глянул на меня из-под густых темных бровей. Я не помнила, когда на меня в последний раз так смотрели.

– Да, *ваше высочество*, – в его устах титул прозвучал как насмешка, и вместо бабочек в животе я почувствовала тлеющие угли негодования.

Я раскрыла рот, чтобы ответить – хотя пока не знала, как именно, потому что откровенной враждебности в его поведении не было, но Бут успел вмешаться прежде, чем я сказала то, о чем могла пожалеть.

– Давайте зайдём внутрь? Похоже, скоро начнется дождь, – быстро произнес он.

Мы с Рисом посмотрели вверх. Нам в ответ подмигнуло ясное голубое небо.

Бут прочистил горло.

– Никогда не знаешь заранее. Ливни возникают из ниоткуда, – пробормотал он. – Проходите, ваше высочество.

Мы молча зашли в дом.

Я сбросила пальто и повесила на медную вешалку в виде дерева возле входа, прежде чем высказать очередную любезность.

– Хотите чего-нибудь выпить?

Меня по-прежнему терзало раздражение, но я ненавидела конфликты и не хотела начинать отношения с новым телохранителем с такой неприятной ноты.

– Нет. – Рис осмотрел гостиную, оформленную в изумрудно-зеленых и кремовых тонах. Арендодатель приходил дважды в месяц для генеральной уборки, но большую часть времени я следила за порядком сама.

– Почему бы нам не познакомиться поближе? – преувеличенно радостно предложил Бут. – Эм, я имею в виду вас и Риса, ваше высочество. Мы могли бы обсудить потребности, ожидания, расписание...

– Отличная идея. – Я выдавила натянутую улыбку и жестом предложила Рису сесть на диван. – Прошу. Садитесь.

Следующие сорок пять минут мы обсуждали передачу обязанностей между телохранителями. Бут оставался в этом статусе до понедельника, но до тех пор Рис должен был всюду следовать за ним, чтобы понять, как все устроено.

– Договорились. – Рис закрыл папку с детальным расписанием моих занятий, еженедельным распорядком, грядущими общественными событиями и поездками. – Позвольте быть откровенным, принцесса Бриджит. Вы не первая и не последняя знатная особа, которую я охраняю. Я работаю

в «Харпер Секьюрити» уже пять лет, и под моей защитой не пострадал ни один клиент. Хотите знать почему?

– Позвольте угадаю. Вы обезоруживали потенциальных противников безукоризненными манерами?

У Бута вырвался сдавленный смешок, но он быстро превратил его в кашель.

Уголки губ Риса даже не дернулись. *Ну разумеется, нет.* Мою шутку сложно было назвать искрометной, но, похоже, проще было отыскать в Сахаре водопад, чем найти хоть каплю юмора в этом огромном, невыносимо рельефном теле.

– Причины две, – спокойно продолжил Рис, словно я не говорила вообще. – Во-первых, я не лезу в личную жизнь клиентов. Я здесь, чтобы защитить вас от физического вреда. И точка. Не чтобы стать вашим другом, поверенным и так далее. Так мои суждения остаются беспристрастными. Во-вторых, мои клиенты следуют основному принципу безопасности.

– И в чем же он заключается? – Моя вежливая улыбка таила предупреждение, но он либо не заметил его, либо проигнорировал.

– Они делают, как я говорю, когда дело касается безопасности. – Серые глаза Риса встретились с моими. Я словно утонула в непоколебимую стальную стену. – Понимаете, ваше высочество?

Забудьте про любовь и страсть. Больше всего мне сейчас хотелось стереть самоуверенность с его лица.

Я вжала кончики пальцев в бедра и заставила себя досчитать до трех, прежде чем ответить.

Когда я заговорила, Антарктида казалась пляжным раем по сравнению с моим ледяным тоном.

– Да. – Я ехидно улыбнулась. – К счастью для нас обоих, господин Ларсен, вы не интересуете меня как друг, поверенный или «и так далее».

Я не удостоила ответом вторую часть его речи – о том, что мне следует делать, как он говорит. Я не идиотка. Я всегда прислушивалась к советам Бута, но точно не собиралась подпитывать и без того раздутое эго Риса.

– Хорошо. – Рис встал. Его огромный рост меня раздражал. Присутствие Риса подавляло все вокруг, и он становился единственным, на чем я могла сосредоточиться. – Я осмотрю дом, прежде чем мы обсудим дальнейшие действия – в частности, улучшение системы безопасности. На данный момент сигнализацию сможет взломать любой подросток с доступом к «Ютубу».

Он послал мне неодобрительный взгляд и исчез на кухне. У меня упала челюсть.

– Он... Ты... – пробормотала я, практически утратив дар речи. – Нет, никогда! – Я повернулась к Буту, который пытался слиться с гигантским растением в горшке у входной двери. – Ты не уйдешь. Я запрещаю.

Рис *не мог* стать моим телохранителем. Я прикончу *его*, а арендодатель прикончит *меня* за кровь на ковре.

– Может, он просто нервничает из-за первого дня, – неуверенно предположил Бут, явно сомневаясь в собственных словах. – Вы нормально поладите после... эм... переходного периода, ваше высочество.

Возможно... *если* мы вообще переживем переходный период.

– Ты прав. – Я надавила пальцами на виски и глубоко вздохнула. *Я справлюсь.* Мне уже приходилось иметь дело со сложными людьми. Мой кузен Андреас был порождением сатаны, а один английский лорд пытался пощупать меня под столом во время Бала роз в Монако. Он остановился, только когда моя вилка «случайно» вонзилась в его руку.

Что такое угрюмый телохранитель по сравнению с напыщенными аристократами, любопытными журналистами и злобными родственниками?

Рис вернулся. Сюрприз-сюрприз – его мрачный взгляд никуда не делся.

– Я обнаружил шесть уязвимостей, которыми следует заняться как можно скорее, – заявил он. – Начнем с первого: окна.

– Какие именно?

Спокойно. Сохраняй благоразумие.

– Все.

Бут закрыл лицо руками, а мне захотелось прикончить Риса шпилькой.

Мы с Рисом *явно* не переживем переходного периода.

Глава 2

Рис

Принцесса Бриджит фон Ашеберг Эльдоррская меня прикончит. Если не в буквальном смысле, то мои терпение и рассудок уж точно. В этом не оставалось никаких сомнений, хотя мы сотрудничали всего две недели.

Меня еще никогда так не раздражал ни один клиент. Несомненно, красивая (не лучшее качество с точки зрения моего положения) и очаровательная (со всеми, кроме меня), она оказалась королевской занозой в моей заднице. Когда я говорил «направо», она шла налево; когда я говорил «уходим», она оставалась. Она спонтанно посещала многолюдные мероприятия, к которым я не успевал подготовиться, и относилась к мерам безопасности как к чепухе, а не необходимости.

По словам Бриджит, так все работало с Бутом, и проблем не возникало. Я ответил, что я не Бут и мне абсолютно плевать, что она делала или не делала, когда была с ним. Теперь главный я.

Она отреагировала не лучшим образом, но мне было все равно. Моя цель не титул мистера конгениальности. Моя цель – сохранить ей жизнь.

Сегодня мы отправились в самый переполненный бар Хазелбурга. Половина Тайера явилась в «Крипту» за коктей-

лями по пятничной акции, и количество посетителей явно превышало вместимость.

Громкая музыка, громкие люди. Все, что мне нравится меньше всего и, видимо, *больше всего* нравится Бриджит – судя по тому, с каким упорством она сюда стремилась.

– Итак, – ее рыжеволосая подруга Джулс глянула на меня, поднеся к губам бокал, – ты был «морским котиком», да?

– Да.

Я не куплюсь на ее игривый тон и легкомысленные манеры. Я раскопал личные истории всех подруг Бриджит, как только вступил в должность, и знал – Джулс Эмброуз куда опаснее, чем кажется. Но Бриджит она не угрожала, поэтому я помалкивал о том, что она сделала в Огайо. Меня та история не касалась.

– Обожаю военных, – промурлыкала она.

– Он бывший военный. – Бриджит опустошила бокал, не удостоив меня ни единым взглядом. – Кроме того, он для тебя староват.

Один из немногих случаев, когда я был готов с ней согласиться. Мне был всего тридцать один год – древним никак не назовешь, – но я сделал и увидел достаточно дерьма, чтобы *чувствовать* себя древним, особенно по сравнению с наивными студентами, у которых еще даже первой настоящей работы не было.

Я никогда не был наивен, даже в детстве. Я поднялся из самой грязи.

Тем временем Бриджит сидела напротив меня, словно принцесса из сказки, которой она и являлась. Большие голубые глаза и пухлые розовые губы, лицо в форме сердечка, идеальная алебастровая кожа, золотые волосы, свободными волнами ниспадающие на спину. Черный топ открывал ее гладкие плечи, а в ушах блестели маленькие бриллианты.

Молодая, богатая и знатная. Моя полная противоположность.

– Вот и нет. Мне нравятся мужчины постарше. – Джулс улыбнулась еще шире, снова оглядев меня с головы до ног. – А ты хорош.

Я не стал улыбаться в ответ. Я не настолько глуп, чтобы флиртовать с подружкой клиентки. С Бриджит и без того хватало проблем.

– Оставь человека в покое, – рассмеялась Стелла. *Учится на факультете дизайна одежды и коммуникаций. Дочь юриста по делам экологии и начальницы штаба секретаря кабинета министров. Звезда соцсетей.* В мозгу прокрутилось все, что я о ней знал, пока она фотографировала свой коктейль, прежде чем сделать глоток. – Найди кого-нибудь своего возраста.

– Парни моего возраста скучные. Я знаю. Встречалась с несколькими.

Джулс пихнула локтем Аву, последнюю из близких подруг Бриджит. Не считая непристойных выходок Джулс, они были вполне приличной компанией. Явно лучше подруг голли-

вудской старлетки, которую я охранял три мучительных месяца – и за это время передо мной светили гениталиями чаще, чем за всю мою жизнь.

– Кстати о мужчинах постарше, где твой приятель?

Ава покраснела:

– Он не сможет прийти. У него видеоконференция с бизнес-партнерами из Японии.

– Уверена, сможет, – возразила Джулс. – Ты в баре, в окружении пьяных, возбужденных студентов. Странно, что он не... О. Помяни черта. Вон он.

Я проследил за ее взглядом: высокий, темноволосый мужчина пробирался сквозь толпу тех самых пьяных, возбужденных студентов.

Зеленые глаза, безупречный наряд и ледяное выражение лица, по сравнению с которым замерзшая тундра Гренландии покажется тропическим раем.

Алекс Волков.

Его имя и репутация были мне известны, хоть я и не знал его лично. В определенных кругах он был легендой.

Фактический генеральный директор крупнейшей в стране компании по недвижимости. Связей и компромата Алексу вполне хватало, чтобы свергнуть половину Конгресса и обанкротить половину компаний из рейтинга Форчун-500².

Я ему не доверял, но он встречался с одной из подруг Бри-

² «Форчун 500» (Fortune 500) – список 500 крупнейших компаний США по размеру выручки, составляемый журналом Fortune.

джит, а значит, его присутствие было неизбежным.

Увидев его, Ава просияла:

– Алекс! Я думала, у тебя видеоконференция.

– Мы рано закончили, и я решил заскочить. – Он быстро поцеловал ее в губы.

– Я люблю, когда я права, а права я практически всегда. – Джулс хитро глянула на Алекса. – Алекс Волков в студенческом баре? Вот уж не думала, что доживу до такого.

Он ее проигнорировал.

Музыка сменилась с мягкого ар-эн-би на ремикс последнего радиохита, и бар сошел с ума. Джулс и Стелла вскочили со стульев и поспешили на танцпол, и Бриджит отправилась за ними, но Ава осталась на месте.

– Ребята, идите. Я посижу здесь. – Она зевнула. – Я немного устала.

Джулс посмотрела на нее с ужасом.

– Но сейчас только одиннадцать! – Она повернулась ко мне. – Рис, потанцуй с нами. Нужно как-то компенсировать это... непотребство.

Она показала жестом на Аву, прижавшуюся к Алексу, который заботливо обнял ее за плечи. Ава закатила глаза; на лице Алекса не дрогнул ни один мускул. Я видал льдины, проявлявшие больше эмоций.

Я остался на месте:

– Я не танцую.

– Ты не танцуешь. Алекс не поет. Сплошное веселье, –

простонала Джулс. – Бридж, сделай что-нибудь.

Бриджит глянула на меня и сразу отвела глаза.

– Он на работе. Неужели тебе мало нас со Стеллой?

Джулс согласно вздохнула:

– Достаточно. Не дави на мое чувство вины.

– Я научилась этому тонкому искусству в школе для принцесс. – Бриджит потащила подруг на танцпол. – Пошли.

Как и следовало ожидать, Ава и Алекс вскоре уехали, я остался за столиком один и поглядывал то на девушек, то на остальных посетителей бара. Во всяком случае, пытался. Мой взгляд возвращался к Бриджит и только к ней – чаще, чем мне хотелось бы, и не только потому, что она была моей клиенткой.

Как только Кристиан сказал мне о новом назначении, я сразу понял: с ней возникнут проблемы. Сказал, а не спросил, потому что Кристиан Харпер давал приказы, а не делал предложения. Но наша история позволяла мне при желании отказаться – а мне чертовски этого хотелось. Охранять принцессу Эльдорры, когда я не желал иметь с Эльдоррой никаких дел? Худшая идея за всю историю дрянных идей.

А потом я увидел фотографию Бриджит, и меня зацепило что-то в ее взгляде. Возможно, намек на одиночество или ранимость, которые она пыталась скрыть. В любом случае этого хватило, чтобы я согласился, пусть и скрепя сердце.

И вот пожалуйста – теперь я встрял с подопечной, которая меня едва терпит, и это взаимно.

Ларсен, ты чертов придурок.

Но, как бы меня ни бесила Бриджит, следовало признать: сегодня я наблюдал за ней с удовольствием. Широкая улыбка, сияющее лицо, глаза, блестящие от смеха и озорства. Никакого одиночества, которое я заметил на снимке от Кристиана.

Она подняла руки, принялась покачивать бедрами в такт музыке, и мой взгляд задержался на обнаженной коже ее длинных, гладких ног, прежде чем отвести его, я сжал зубы.

Мне приходилось охранять многих красивых женщин, но, когда я впервые увидел Бриджит лично, я отреагировал так, как не реагировал ни на одну из предыдущих клиенток. Кровь закипела, член затвердел, мне до боли захотелось провести рукой по ее золотым волосам. Это произошло интуитивно, неожиданно, и я чуть не отказался от работы, не успев начать, ведь страсть к клиентке ничем хорошим закончиться не может.

Но гордость победила, и я остался. Понадеявшись, что не пожалею.

Джулс и Стелла что-то сказали Бриджит, она кивнула, и они ушли, по моему предположению, в уборную. И уже через две минуты какой-то студент в розовом поло направился к Бриджит с целеустремленным видом.

Мои плечи напряглись.

Я поднялся с места, как только студент подошел к Бриджит и прошептал что-то ей на ухо. Она покачала головой,

но он не ушел.

Внутри меня зашевелилось нечто темное. Если я что-то и ненавидел, так это мужчин, не понимающих гребаных намеков.

Студент потянулся к Бриджит. Она убрала руку прежде, чем он успел прикоснуться, и сказала что-то еще, на этот раз – с менее дружелюбным выражением лица. Его лицо превратилось в уродливую гримасу. Он снова потянулся к ней, но прежде, чем он до нее дотронулся, я встал между ними, отрезав путь:

– Какие-то проблемы?

Студент явно не привык слышать «нет» благодаря папочкиным деньгам и был то ли слишком тупым, то ли слишком высокомерным, чтобы понять – его лицо в нескольких секундах от таких изменений, которые не сможет исправить даже пластический хирург.

– Никаких проблем. Я просто предложил ей потанцевать.

Студент смотрел на меня так, словно подумывал бросить мне вызов.

Явно тупой.

– Я не хочу танцевать. – Бриджит вышла из-за моей спины и свысока посмотрела на студента. – И я сказала тебе уже дважды. Не заставляй повторять в третий раз. Тебе не понравится то, что за этим последует.

Иногда я мог забыть, что Бриджит – принцесса, например, когда она фальшиво пела в душе – она-то думала, будто я не

слышу, – или всю ночь готовилась к экзаменам за кухонным столом.

Но только не сейчас. Она буквально излучала ледяную царственность, и мои губы невольно изогнулись в мимолетной, восхищенной ухмылке.

Уродливая гримаса студента не исчезла, но у нас было численное преимущество, и он это понимал. Он отступил, пробормотав себе под нос «тупая сука».

Судя по порозовевшим щекам Бриджит, она его услышала. К сожалению для него, я тоже.

Он не успел сделать и пары шагов, когда я схватил его с такой силой, что он ахнул. Одно правильное движение запястьем, и я мог бы сломать ему руку, но парню повезло – я не хотел привлекать внимания.

Пока что.

– Что ты сказал? – в моем голосе послышались опасные интонации.

Мы с Бриджит не слишком друг друга жаловали, но это не давало окружающим права ее обзывать. Не при мне.

Вопрос принципа и элементарных правил чертового приличия.

– Н-ничего.

Крошечный мозг студента наконец осмыслил ситуацию, и его лицо покраснело от ужаса.

– Я так не думаю. – Я усилил хватку, и он захныкал от боли. – По-моему, ты оскорбил даму, используя очень плохое

слово. – Новое сжатие, еще один стон. – И думаю, тебе стоит извиниться, чтобы не обострять ситуацию. Как считаешь?

Мне не понадобилось уточнять, что именно значит *обострять*.

– Прошу прощения, – промямлил студент в сторону Бриджит, которая глянула на него с ледяным видом. Она не ответила.

– Я не слышал, – сказал я.

В глазах студента мелькнула ненависть, но ему хватило мозгов не спорить.

– Прошу прощения, – повторил он громче.

– За что?

– За то, что назвал тебя... – он опасливо глянул в мою сторону, – ...что назвал тебя плохим словом.

– И? – продолжил я.

Он озадаченно нахмурился.

В моей улыбке угрозы было больше, чем юмора.

– Скажи: прости, что был конченым идиотом, который не умеет вести себя с женщинами.

Мне показалось, Бриджит проглотила сдавленный смешок, но я был слишком сосредоточен на реакции студента. Он выглядел так, словно хотел ударить меня свободной рукой, и мне этого почти захотелось. Забавно будет наблюдать, как он пытается дотянуться до моего лица. Я возвышался над ним сантиметров на двадцать, и у него были хиленькие ручки.

– Извини, что вел себя как конченный идиот, который не умеет обращаться с женщинами.

Его переполняло негодование.

– Ты принимаешь его извинения? – спросил я Бриджит. – Если нет, мы можем выйти.

Студент побледнел.

Бриджит задумчиво склонила голову набок, и у меня на губах вновь мелькнул призрак улыбки. *А она хороша.*

– Пожалуй, – сказала она наконец таким тоном, словно делала кому-то огромное одолжение. – Не стоит тратить время на кого-то столь малозначимого.

Веселье чуть притушило жаркий гнев, бегущий по венам из-за слов студента.

– Тебе повезло. – Я отпустил его. – Если еще хоть раз увижу, что ты докучаешь ей или другой женщине... – Я понизил голос. – Можешь начинаться учиться делать все левой рукой, потому что правая работать не сможет. Никогда. А теперь иди.

Дважды повторять не пришлось. Студент сбежал, и его розовая рубашка мелькала в толпе, пока он не исчез за входной дверью.

Молодец.

– Спасибо, – сказала Бриджит. – Я рада, что ты с ним разобрался, хотя печально, что без постороннего вмешательства он не понимал. Неужели моего «нет» недостаточно? – Она раздраженно подняла бровь.

– Некоторые люди – идиоты, а некоторые – засранцы. – Я отодвинулся в сторону, пропуская хихикающую компанию. – Сейчас тебе пришлось столкнуться с представителем обоих видов.

Меня наградили робкой улыбкой.

– Мистер Ларсен, похоже, мы ведем светскую беседу.

– Неужели? Похоже, конец света не за горами, – невозмутимо ответил я.

Улыбка Бриджит стала шире, и будь я проклят, если от этого зрелища у меня внутри что-то не екнуло.

– Не хочешь выпить? – Она кивнула головой в сторону бара. – За мой счет.

Я покачал головой:

– Я на посту, и я не пью алкоголь.

На ее лице мелькнуло удивление.

– Никогда?

– Никогда – ни наркотиков, ни алкоголя, ни курения. Я видел, какой вред они могут причинить, и никогда не хотел пополнить эту статистику. Это не для меня.

Судя по лицу Бриджит, она заподозрила, что я что-то недоговариваю, но давить не стала, и я это оценил. Некоторые люди чересчур любопытны.

– Простите, что так долго! – вернулась Джулс на пару со Стеллой. – Ужасная очередь. – Она смерила взглядом меня и Бриджит. – Все в порядке?

– Да. Мистер Ларсен составлял мне компанию, когда вы

ушли, – не моргнув глазом, ответила Бриджит.

– Правда? – подняла бровь Джулс. – Как мило с его стороны.

Ни я, ни Бриджит не проглотили наживку.

– Угомонись, Джулс, – услышал я голос Стеллы, пока направлялся обратно к столику – ведь инцидент со студентом исчерпан, и к ней вернулись подружки. – Присматривать за ней – его работа.

Чертовски верно. Это моя работа, а Бриджит – моя клиентка. Ни больше ни меньше.

Бриджит глянула на меня, и на долю секунды наши взгляды встретились, прежде чем она отвела глаза.

Я сжал пальцы.

Конечно, она меня привлекала. Красивая, умная и со стальным внутренним стержнем. *Разумеется*, она меня привлекала. Но это ничего не значило.

За пять лет работы телохранителем я ни разу не пересек профессиональных границ.

И не собирался этого делать.

Глава 3

Бриджит

Одна из худших вещей в круглосуточной охране – то, что приходится жить с охранником. С Бутом проблем не возникло, потому что мы прекрасно ладили, но тесное соседство с Рисом выводило меня из себя.

Дом внезапно начал казаться слишком маленьким, и, куда бы я ни посмотрела, везде был Рис.

Он пил кофе на кухне. Выходил из душа. Упражнялся на заднем дворе – его мускулы перекачивались, а кожа сияла от пота.

От этого складывалось странное домашнее ощущение, которого не возникало с Бутом, и мне это совершенно не нравилось.

– Тебе не жарко в этой одежде? – спросила я в один необыкновенно жаркий день, наблюдая, как Рис отжимается.

Хотя стояла осень, на улице было почти тридцать градусов, и по моей шее ползла капля пота, несмотря на легкое хлопковое платье и ледяной лимонад в руках.

Должно быть, Рису невыносимо жарко в черной футболке и тренировочных шортах.

– Пытаешься заставить меня снять футболку?

Он продолжал упражнения, хотя голос звучал абсолютно ровно.

По моим щекам разлилось тепло, совершенно не связанное с погодой.

– Как знаешь.

Не самый содержательный ответ, но я не смогла придумать ничего получше.

Честно говоря, мне *действительно* было любопытно посмотреть на Риса без футболки. Не потому, что мне хотелось взглянуть на его торс – который, следует признать, должен был выглядеть потрясающе, если судить по остальному телу, – а потому, что он так упорно ее не снимал. Даже из ванной после душа он выходил полностью одетым.

Возможно, ему было некомфортно появляться в полуголом виде перед клиенткой, но мне казалось, Риса Ларсена не так-то легко смутить. Скорее всего, дело в чем-то другом. Возможно, постыдная татуировка или какие-то проблемы с кожей, затрагивающие только торс.

Рис закончил отжиматься и перешел к турнику.

– Так и будешь поедать меня взглядом, или я могу тебе чем-то помочь, принцесса?

Меня бросило в жар.

– Я не поедала тебя взглядом. Я тайно молилась, чтобы ты получил тепловой удар. Если получишь, помогать не стану. Мне нужно... читать книгу.

Господи, что я несу?

После недолгого единодушия в «Крипте» пару недель назад мы с Рисом вернулись к придиркам и сарказму, и мне

это совершенно не нравилось – по натуре я не придиричивый и не саркастичный человек.

Уголки губ Риса тронул призрачный ухмылочки, но он исчез прежде, чем перерасти в нечто большее.

– Приятно знать.

Я не сомневалась, что мое лицо сейчас пунцового цвета, но все равно вскинула подбородок и вернулась в дом с таким достоинством, которое только смогла изобразить.

Пусть Рис печется на солнце. Я надеялась, он *получит* тепловой удар. Может, тогда ему не хватит энергии быть таким засранцем.

К сожалению, удар он не получил, и энергии ему хватало с лихвой.

– Как книга? – протянул он позднее, когда закончил тренировку, и я схватила первую попавшуюся книгу прежде, чем он успел войти в гостиную.

– Увлекательная.

Я пыталась сосредоточиться на странице, а не на футболке Риса, прилипшей к вспотевшему торсу.

Шесть кубиков точно. А может, даже восемь. И я вовсе не считала.

– Оно и видно. – Лицо Риса оставалось бесстрастным, но я *слышала* легкую насмешку в его голосе. Он направился в ванную и, не оглядываясь, добавил: – Кстати, принцесса, книга перевернута вверх тормашками.

Я захлопнула том, и мои щеки запыхали от смущения.

Господи, он просто невыносим. Джентльмен никогда бы о подобном не упомянул, но Рис Ларсен не был джентльменом. Он был моим проклятием.

К сожалению, такого мнения придерживалась одна лишь я. Все остальные находили угрюмость очаровательной, в том числе мои друзья и сотрудники приюта, и я даже не могла ни с кем обсудить его невыносимость.

– В чем проблема с твоим новым охранником? – прошептала Венди, одна из постоянных волонтеров в «Вэгс энд Уискерс». Она глянула на Риса, сидящего в углу, как неподвижная статуя с мускулами и татуировками. – Он такой сильный и молчаливый. Очень привлекательно.

– Возможно, но тебе не приходилось с ним жить.

После инцидента с книгой прошло два дня, и за это время мы с Рисом не обменялись ни единым словом, кроме «доброго утра» и «спокойной ночи».

Я не возражала. Так было проще делать вид, будто его не существует.

Венди рассмеялась.

– Я бы с удовольствием поменялась с тобой местами. Моя соседка постоянно готовит в микроволновке рыбу, воняющую на всю кухню, и внешне она совершенно не похожа на твоего охранника. – Она поправила прическу и встала. – Кстати об обмене местами, мне пора на занятия. У тебя есть все необходимое?

Я кивнула. Я много раз заменяла Венди и прекрасно ори-

ентировалась в рутине.

Когда она ушла, воцарилось молчание – такое плотное, что оно легло мне на плечи, как мантия.

Рис продолжал неподвижно сидеть в углу. Мы были одни, но его взгляд блуждал по комнате, словно из-за кошачьих клеток мог в любую секунду выскочить убийца.

– Тебя не утомляет?

Я почесывала за ушами Мидоу, недавно поступившую в приют кошку.

– Что?

– Постоянное напряжение.

Всегда начеку, в поисках опасности. Я никогда не видела, чтобы Рис расслаблялся, даже когда мы были дома, просто вдвоем.

– Нет.

– Ты же в курсе, что можешь давать не только односложные ответы?

– Да.

Он был невыносим.

– Слава богу, у меня есть ты, сладкая, – обратилась я к Мидоу. – Хоть ты умеешь прилично вести беседу.

Она согласно мяукнула, и я улыбнулась. Иногда я была готова поклясться, что кошки умнее людей.

После очередного долгого молчания Рис удивил меня вопросом:

– Почему ты помогаешь приюту для животных?

Меня так изумил тот факт, что он начал не связанный с безопасностью разговор, что я замерла. Мидоу снова мякнула, на этот раз протестуя.

Я продолжила гладить ее, раздумывая над ответом на вопрос Риса, и наконец просто сказала:

– Я люблю животных. Поэтому я здесь.

– Гм-м.

Я напряглась, услышав в его голосе скепсис.

– Почему ты спросил?

Рис пожал плечами:

– Просто это не похоже на занятие, за которым тебе нравится проводить свободное время.

Не нужно было спрашивать, как именно я, по его мнению, люблю проводить свободное время. Большинство людей смотрели на меня и делали предположения, исходя из моей внешности и происхождения, и да, некоторые оказывались верными. Мне, как и любой девушке, нравился шопинг и вечеринки, но это не значило, что меня не волновало ничто другое.

– Удивительно, сколь глубоко ты познал мою личность всего за месяц общения, – холодно заявила я.

– Я делаю свою работу, принцесса. – Рис обращался ко мне только так. Он отказывался называть меня моим именем или *ваша светлость*. Я же называла его исключительно «мистер Ларсен». Не уверена, что это его хоть сколько-то беспокоило, но мелочная часть меня испытывала удовлетво-

рение. – И знаю о вас больше, чем вы думаете.

– Но не почему я работаю волонтером в приюте для животных. Очевидно, тебе следует совершенствовать навыки.

Стальной взгляд серых глаз мельком скользнул в мою сторону, и мне показалось, я заметила искорку веселья, прежде чем между нами вновь выросла стена.

– Туше. – Он замялся, но потом добавил: – Ты не такая, как я ожидал.

– Почему? Потому что я не поверхностная и не пустоголовая? – Мой тон стал еще холоднее; я пыталась скрыть неожиданную обиду из-за его слов.

– Я никогда не называл тебя поверхностной и пустоголовой.

– Но имел это в виду.

Рис скривился.

– Ты не первая королевская особа, которую мне приходится охранять, – сказал он. – И даже не третья и не четвертая. Они все вели себя примерно одинаково, и от тебя я ожидал того же. Но ты не...

Я подняла бровь:

– Я не...

Легкая улыбка пробежала по его лицу так быстро, что я ее едва заметила.

– Поверхностная и пустоголовая.

Я не удержалась. И рассмеялась.

Я рассмеялась над словами Риса Ларсена. Конец света не

за горами.

– Моя мама очень любила животных, – сказала я, удивляясь собственным словам. Я не планировала обсуждать с Рисом мою мать, но мне хотелось воспользоваться оттепелью в наших обычно враждебных отношениях. – Это передалось мне от нее. Но во дворце держать животных запрещено, и я могла регулярно общаться с животными только в качестве волонтера в приютах. – Я протянула руку и улыбнулась, когда Мидоу накрыла ее своей лапкой, словно давая мне «пять». – Мне нравится, но еще я здесь, потому что... – Я попыталась подыскать правильные слова. – Так я чувствую себя ближе к маме. Только мы с ней так сильно любили животных. Остальные члены семьи относятся к ним хорошо, но иначе чем мы.

Сама не знаю, что спровоцировало мое признание. Может, я хотела доказать, что мое волонтерство не ради пиара? Какое мне вообще дело до мнения Риса?

А может, мне нужно было поговорить про маму с кем-то, кто ее не знал. В Атенберге я не могла упомянуть ее, не получив в ответ жалостливых взглядов, но Рис оставался спокойным и невозмутимым, как и всегда.

– Понимаю, – сказал он.

Вроде простое слово, но оно проникло внутрь и успокоило ту часть меня, которая, оказывается, нуждалась в успокоении, а я и не знала.

Наши взгляды встретились, и в воздухе повисло напряже-

ние.

Темные, загадочные, пронзительные. Глаза Риса словно заглядывали прямо в душу, отбрасывая слои тщательно сплетенной лжи и обнажая уродливую истину под ней.

Сколько моих истин он видел? Видел ли под маской девочку, которая десятилетиями несла свое бремя и слишком боялась им поделиться, которая могла убить...

– Хозяин! Отшлепай меня, хозяин! – Латекс выбрал именно этот момент для своего знаменитого похабного выкрика. – Прошу, отшлепай!

Заклинание рассеялось столь же быстро, как возникло.

Рис отвел глаза, и я опустила взгляд себе под ноги, выдыхая от облегчения и разочарования одновременно.

– Хоз...

Латекс умолк, когда его одарил взглядом Рис. Птица нахохлилась и принялась прыгать по клетке, прежде чем замереть в нервном молчании.

– Поздравляю, – сказала я, пытаюсь рассеять волнуемое напряжение, возникшее минутой раньше. – Возможно, ты первый человек, заставивший Латекса умолкнуть на середине фразы. Тебе стоит забрать его себе.

– Ни за что. Не люблю, когда животные сквернословят.

Мы пялились друг на друга несколько мгновений, прежде чем я хихикнула, а железный занавес в его глазах приподнялся достаточно, чтобы я заметила там искру веселья.

Оставшуюся часть моей смены мы провели в молчании,

но напряженность между нами снизилась до такой степени, чтобы я поверила, будто у нас с Рисом могут быть нормальные рабочие отношения.

Я не знала, оптимизм это или самообман, но мой разум всегда цеплялся за малейшие свидетельства того, что все не так плохо.

Ветер щипал обнаженную кожу на моем лице и шее, пока мы шли домой. Мы с Рисом спорили, как добираться до приюта, но в конце концов даже ему пришлось признать, что преодолевать столь небольшую дистанцию на машине просто глупо.

– Ты рад, что поедешь в Эльдорру? – спросила я. Через несколько дней мы уезжали в Атенберг на зимние каникулы, и Рис сказал, что прежде никогда там не бывал.

Я надеялась поддержать нашу недавнюю оттепель в отношениях, но просчиталась: Рис закрылся быстрее, чем вечеринка, на которую ворвались копы.

– Я еду туда не отдыхать, принцесса.

Он произнес слово «туда», словно я силой отправляла его в трудовой лагерь, а не в город на девятом месте рейтинге лучших направлений для туризма.

– Я понимаю, что ты едешь не отдыхать, – я безуспешно попыталась скрыть раздражение, – но у тебя будет сво...

Воздух пронзил резкий визг тормозов. Я еще не успела осознать источник звука, а Рис уже затолкал меня в ближайший переулок и крепко прижал к стене, подняв пистолет и

закрывая меня своим телом.

Мой пульс забился с бешеной скоростью – от внезапной вспышки адреналина и его близости. Он излучал жар и напряжение каждым миллиметром огромного, мускулистого тела, и оно обернулось вокруг меня, словно кокон, когда мимо пронеслась машина, из наполовину открытых окон которой гремела музыка и доносился хохот.

Я чувствовала плечом, как колотится сердце Риса, и мы долго стояли, замерев, даже когда музыка стихла и слышалось лишь наше тяжелое дыхание.

– Мистер Ларсен, – тихо сказала я, – думаю, все в порядке.

Он не двигался. Я оказалась зажата между ним и кирпичами – двумя неподвижными стенами, заслоняющими меня от мира. Одной рукой он упирался в стену возле моей головы и стоял так близко, что я чувствовала каждую выпуклость, каждый изгиб его тела.

Прошло еще одно долгое мгновение, прежде чем Рис опустил пистолет и повернулся ко мне.

– Ты уверена, что в порядке? – низким, хрипловатым голосом уточнил он, осматривая меня на предмет повреждений, хотя со мной ничего не случилось.

– Да. Машина повернула слишком быстро. И все. – Я нервно хихикнула, слишком разгоряченная из-за его пристального внимания. – Меня больше напугал твой бросок в переулочек.

– Поэтому следовало ехать на машине. – Он сделал шаг

назад, забирая с собой тепло, и пустоту быстро заполнил прохладный воздух. Я задрожала, жалея, что не надела свитер потеплее. Внезапно стало слишком холодно. – Ты слишком на виду и не защищена, когда так ходишь. Мимо могли проезжать преступники.

Я чуть не расхохоталась:

– Сомневаюсь. Скорее кошки начнут летать, чем в Хазелбурге заведутся преступники на машинах.

Это один из самых безопасных городов в стране, и у большинства студентов даже *нет* машин.

Риса моя аналогия не впечатлила.

– Сколько тебе повторять? Достаточно одного раза. Больше никаких пеших прогулок до приюта.

– Но вообще ничего не произошло. Ты преувеличиваешь. – Мое раздражение окончательно вернулось.

Он сделал каменное лицо.

– Моя *работа* – предусматривать все, что может пойти не так. Если тебе это не нравится, можешь меня уволить. Но до этого времени делай, как я говорю, я сказал тебе об этом еще в первый день.

Все следы нашего хрупкого перемирия в приюте исчезли. Я бы хотела *иметь возможность* его уволить, но не я принимала решения по персоналу, и никаких других причин для увольнения, помимо нашей неприязни, не было.

Я была так уверена, что наше общение в приюте положит начало новой фазе отношений, но мы с Рисом делали один

шаг вперед и два назад.

Я представила долгие часы перелета до Атенберга в уже привычном для нас ледяном молчании и скривилась.

Похоже, Рождество будет *долгим*.

Глава 4

Рис/бриджит

РИС

Мы с Бриджит приехали в Атенберг, столицу Эльдорры, через четыре дня после того, как моя директива о запрете пешего перемещения открыла второй фронт в нашей холодной войне. Перелет оказался холоднее погружения в русскую реку посреди зимы, но мне было плевать.

Мне не требовалась ее симпатия, чтобы делать свою работу.

Я просканировал взглядом почти пустое городское кладбище, прислушиваясь к жутковатому вою ветра в голых ветвях деревьев. На кладбище веяло ледяным холодом, он пробирался сквозь одежду и проникал глубоко в мои кости.

Сегодня был первый относительно свободный день в расписании Бриджит с момента нашего приземления, и она глубоко меня поразила, пожелав провести его на кладбище.

Но, когда я увидел почему, то понял.

Я стоял на почтительном расстоянии, когда она опустилась на колени перед двумя могильными камнями, но все же был достаточно близко, чтобы увидеть написанные на них

имена.

Джозефина фон Ашеберг. Фредерик фон Ашеберг.

Ее родители.

Мне было десять, когда кронпринцесса Джозефина умерла во время родов. Я помню, как фотографии принцессы заполнили все журналы и телеэкраны на несколько недель. Принц Фредерик погиб через несколько лет в автокатастрофе.

Мы с Бриджит не были друзьями. Черт подери, да большую часть времени мы даже не вели себя дружелюбно по отношению друг к другу! Но у меня все равно странным образом сжалось сердце при виде печали на ее лице, пока она бормотала что-то на могилах родителей.

Бриджит смахнула с лица прядь волос, и печаль уступила место легкой улыбке, когда она увидела что-то еще. Я редко интересуюсь личной жизнью других людей, но мне почти захотелось подойти поближе и узнать причину ее улыбки.

Звякнул телефон, и я обрадовался возможности отвлечься от тревожных мыслей, пока не увидел сообщение.

Кристиан: Я смогу назвать тебе имя меньше чем через десять минут.

Я: Нет. Забей.

Появилось еще одно сообщение, но я убрал телефон в карман, не читая.

Внутри бурлило раздражение.

Кристиан – упорный ублюдок, любитель выкапывать скелеты из прошлого других людей. Он следил за мной с тех пор, как выяснил, что я уезжаю на праздники в Эльдорру – он знал о моем особом отношении к этой стране, – и не будь он моим боссом и практически другом, его лицо уже познакомилось бы с моим кулаком.

Я ответил ему, что имя мне не нужно, и оно действительно мне не требовалось. Я прожил без него тридцать один год. И смогу прожить еще столько же, или сколько там пройдет, пока я не сыграю в ящик.

Я снова обратил внимание на Бриджит, когда рядом хрустнула веточка, а потом прозвучал мягкий щелчок камеры.

Я резко вскинул голову, и из моей груди вырвалось глухое рычание, когда я заметил предательский клоч светлых волос, торчащий из-за ближайшего могильного камня.

Чертов папарацци.

Засранец пискнул и попытался сбежать, когда понял, что его поймали, но я догнал его и схватил за куртку, едва он успел сделать несколько шагов.

Краем глаза я увидел, как встревоженно поднялась Бриджит.

– Давай сюда камеру, – сказал я, с трудом скрывая гнев. При охране важных персон папарацци – неизбежное зло, но есть некоторая разница между съемками человека за едой и

покупками и слежкой за ним в глубоко личные моменты.

Бриджит пришла на *могилы* родителей, а этому куску дерьма хватает наглости вмешиваться.

– Ну уж нет, – пролепетал папарацци. – Это свободная страна, а принцесса Бриджит – публичная личность. Я имею право...

Не дожидаясь конца предложения, я вырвал камеру из его рук, бросил на землю и растоптал на кусочки ботинком.

Не люблю повторять сказанное.

Он протестующе завыл:

– Эта камера стоила пять тысяч долларов!

– Считай, тебе повезло, что сломалась только она. – Я отпустил и расправил его куртку – жест скорее угрожающий, чем вежливый. – У тебя пять секунд, чтобы убраться с моих глаз, пока я не передумал.

Папарацци был беспардонным, но не тупым. Две секунды спустя он уже исчез между деревьями, оставив на земле куски уже бесполезной камеры. Через минуту я услышал звук мотора, и с парковки уехала машина.

– Я его знаю. Он из «Нэшнл Экспресс». – Бриджит подошла ко мне, судя по всему, совершенно не удивленная произошедшим. – Самая жуткая желтая газетенка. После того что ты сделал с камерой, они, наверное, напишут, что я вступила в сатанинский культ или нечто подобное.

Я фыркнул:

– Он это заслужил. Не выношу людей, не способных ува-

жать личное пространство окружающих.

Она неуверенно улыбнулась мне – впервые за несколько дней, – и от прежнего холода не осталось и следа.

– Это папарацци. Нарушать личное пространство – его работа.

– Но не на чертовом же кладбище.

– Я привыкла. Если я не во дворце, всегда есть шанс оказаться в газетах. – Похоже, Бриджит уже смирилась. – Спасибо за заботу, хотя метод оказался... агрессивнее, чем я бы посоветовала.

В ее глазах оставалась легкая грусть, и у меня снова екнуло сердце. Возможно, поскольку причина ее печали была мне понятна – чувство, будто ты один во всем мире, без двух людей, которые должны были любить тебя сильнее всех.

Я никогда не знал родительской любви и, несмотря на эту зияющую пустоту внутри, не понимал, чего лишился. Бриджит же пришлось ее испытать, во всяком случае, со стороны отца, и, вероятно, для нее утрата стала еще болезненнее.

Ты здесь не для сочувствия, идиот. Ты должен охранять ее. И все. Неважно, как она красива или печальна и как сильно мне хотелось развеять окутавшую ее тоску.

Моральная поддержка в мои обязанности не входила.

Я сделал шаг назад:

– Готова? Если хочешь, останемся еще, но через час у тебя мероприятие.

– Нет. Я готова. Просто хотела пожелать родителям счаст-

ливого Рождества и рассказать о последних событиях. – Бриджит смущенно заправила за ухо прядь волос. – Звучит глупо, но это традиция, и мне кажется, они слушают... – Она осеклась. – Говорю же, глупо.

– Не глупо, – грудь сжалась от воспоминаний, которые хотелось забыть, – я так же разговариваю со старыми военными товарищами.

Во всяком случае, похороненными в Вашингтоне, хотя по возможности я старался посещать и других.

Они погибли из-за меня. Меньшее, что я мог сделать, – отдать дань уважения.

– Ты поддерживаешь контакты с друзьями из армии? – спросила Бриджит, пока мы шли к выходу.

Я следил, нет ли поблизости других папарацци или подозрительных типов, но вокруг не было никого, кроме нас и призраков из прошлого.

– С несколькими. Не так часто, как хотелось бы.

Мой отряд стал моей семьей, но после случившегося выжившим стало слишком тяжело поддерживать связь. Мы слишком сильно напоминали друг другу об утратах.

Единственным человеком, с которым я поддерживал регулярную связь, был мой старый командир с ранних дней службы.

– Почему ты ушел?

Бриджит засунула руки поглубже в карманы пальто, и я поборол желание прижать ее к себе, чтобы поделиться теп-

лом. Было жутко холодно, и ее пальто казалось недостаточно плотным, чтобы защитить от ветра.

– Не выдержал. Боев, неопределенности, похорон. Видеть, как сослуживцы гибнут у меня на глазах, один за другим. – Внутри все сжалось, и мне пришлось заставить себя сделать вдох. – Это сводило с ума, и если бы я не ушел тогда... – *Я бы утратил последние остатки себя.* Я покачал головой, – думаю, у многих ветеранов та же история. Ничего особенного тут нет.

Мы дошли до машины, но, когда я открыл перед Бриджит дверь, она опустила пальцы мне на предплечье.

Я замер – ее прикосновение прожигало сквозь одежду сильнее любого холода или пламени.

– Мне жаль, – сказала она. – Что так вышло и что заставила тебя об этом вспомнить.

– Я оправился от этого много лет назад. Если бы мне не хотелось обсуждать это, то я и не стал бы. Ничего страшного. – Я отодвинул руку, шире открывая дверцу машины, но по-прежнему чувствовал след ее прикосновения. – Я не жалею о времени, проведенном в армии. Сослуживцы стали мне как братья, и у меня никогда не было ничего более похожего на семью – не променял бы этого ни на что на свете. Но служба на передовой? Да, с этим дерьмом я покончил.

Раньше я никогда никому об этом не говорил. Впрочем, делиться было особо и не с кем, за исключением моего старого терапевта, а с ней нам хватало работы помимо подроб-

ного обсуждения причин моего ухода из армии.

– Но потом ты решил стать телохранителем, – заметила Бриджит. – Не самое безопасное занятие.

– У меня есть необходимые навыки. – Многие бывшие «морские котики» уходят в частную охрану, и, возможно, Кристиан был ублюдком, но он был ублюдком, который умел убеждать. Он уговорил меня поставить подпись меньше чем через день после моего возвращения на американскую землю. – Впрочем, пожалуй, самой большой опасности я подвергаюсь с того момента, как начал работать с тобой.

Она озадаченно нахмурилась, и я почти улыбнулся.

Почти.

– Риск вскрыть себе вены вырос десятикратно.

Озадаченность Бриджит пропала, уступив место восторгу и раздражению.

– Рада, что вы обнаружили свое чувство юмора, мистер Ларсен. Это настоящее рождественское чудо.

У меня вырвался смешок – звук столь незнакомый, что я едва его узнал, и в душе что-то дрогнуло, пробудилось от напоминания, что существуют и другие вещи помимо тьмы, преследовавшей меня так долго.

В глазах Бриджит вспыхнуло удивление, она осторожно улыбнулась в ответ, и *что-то* внутри меня приободрилось.

Я прогнал это чувство прочь.

Посмеяться допустимо. Все остальное – нет.

– Пойдем. – Я стер с лица улыбку. – Мы опаздываем.

БРИДЖИТ

Если бы я могла описать мои отношения с Рисом одной песней, то это было бы «Горячо и холодно»³ Кэти Перри. В одну минуту мы ссорились и обменивались колкостями. В другую – общались и шутили.

Ладно, *общались* – слишком сильное слово для произошедшего на парковке. «Вели себя как нормальные люди» звучало бы правильнее. И Рис не смеялся, а, скорее, сдавленно хихикнул, но, возможно, в его мире это считалось смехом. Я не могла даже представить, чтобы он громко хохотал, запрокинув голову.

Но если я чему-то и научилась за последний месяц, так это тому, что, когда в наших отношениях случаются просветы, нужно ими пользоваться. Поэтому после запланированного «неожиданного» посещения местной старшей школы, где я произнесла речь о том, как важны доброта и ментальное здоровье, я затронула тему, которую избегала всю прошлую неделю.

– Обычно на зимние каникулы я остаюсь в Эльдорре дольше, но я рада, что этой зимой мы вернемся в кампус раньше, – словно между делом обронила я, когда мы сели за столик ресторана рядом со школой.

³ Речь идет о песне Hot N Cold.

Ноль реакции.

Я уже подумала, что Рис проигнорирует приманку, когда он сказал:

– Выкладывай, принцесса. Чего ты хочешь?

Ну вот, опять угрюмый.

Я немного нахмурилась. Я чувствовала себя ребенком, который выпрашивает разрешения у родителей, – полный бред, но авторитет Риса излучал такую силу, что порой я забывала, кто из нас на кого работает.

Ну, технически у него был контракт с дворцом, но это незначительная деталь.

– В январе в Вашингтон приезжает моя любимая группа. Мы с Авой уже купили билеты, – сообщила я.

– Название группы и место.

Я сказала.

– Я выясню и скажу тебе. – Подошел официант, и Рис захлопнул меню. – Бургер средней прожарки, пожалуйста. Спасибо.

Я сделала заказ и дождалась, пока официант уйдет, прежде чем твердо повторить:

– Я уже купила билеты.

Перевод: *«Я пойду, нравится тебе или нет».*

– Надеюсь, с возможностью возврата.

Его острый взгляд просканировал ресторан, не упуская ни единой детали.

И-и-и-и-и наши отношения покатались по наклонной, как

по расписанию.

– Твоя работа не управлять моей жизнью. *Прекрати* вести себя как папаша с синдромом гиперопеки. – Мое раздражение росло. Лучше уж ненавидеть его постоянно, чем терпеть эмоциональные колебания, словно у сломанного прибора. Это изнуряло. – Как ты вообще еще работаешь? Странно, что предыдущие клиенты не пожаловались в твою компанию на... на...

Бровь Риса поползла выше, пока я подбирала правильные слова.

– На твои властные замашки, – запнувшись, закончила я. *Проклятье*. Нужно поработать над арсеналом оскорблений.

– Потому что я лучший. Им это известно, как и тебе, – нахально заявил он. Он наклонился вперед, его взгляд помрачнел. – Думаешь, я хочу с тобой нянчиться? Нет. Если бы я хотел детей, то устроился бы работать в офис и поселился бы в пряничном домике где-нибудь в предместье, с деревянным заборчиком и собакой. Я работаю в этой сфере, чтобы спасти жизни, принцесса. Многие жизни я забрал, и теперь... – Он резко умолк, не закончив фразы.

Мне вспомнились его слова, сказанные на парковке. *Не выдержал. Боев, неопределенности, похорон. Видеть, как сослуживцы гибнут у меня на глазах, один за другим.*

Рис не рассказывал подробностей о службе в армии, но мне их и не требовалось. Я вполне могла представить все сама.

Раскаяние и сочувствие сжали мне сердце.

Именно *поэтому* мои чувства к Рису были столь противоречивы. Мне не нравилось его отношение и действия, но я не испытывала неприязни к *нему самому*, понимая, почему он так себя ведет.

И, к сожалению, я не видела способа разрешить эту дилемму.

– Достаточно одной ошибки, – подытожил Рис. – Отвлекаясь на секунду на минном поле – и ты уже летишь в ад. Одно крошечное упущение – и ты уже получил пулю в лоб. – Он откинулся на спинку стула, и казалось, что в его глазах кто-то опустил стальные ставни. – Поэтому мне плевать, купила ли ты билеты. Я проверю то место, и, если замечу какие-то проблемы, ты не пойдешь. Конец истории.

В голове крутилась дюжина разных ответов, но в итоге я сказала совершенно не то, что планировала.

– Мы не на войне, – мягко напомнила я. – Нет необходимости быть начеку каждую секунду.

Рис сжал зубы, и, хотя он покинул армию несколько лет назад, я задалась вопросом, как давно он ведет внутренние сражения.

– *Жизнь* – война, принцесса. Чем скорее ты это поймешь, тем безопаснее.

Моя жизнь не была идеальной, но она была лучше, чем у большинства людей. Я это понимала. Я выросла в пузыре, защищенная от худших проявлений человечества, и это

огромная привилегия. Но представлять каждый день своей жизни как сражение мне показалось ужасно грустным.

– Жизнь – нечто большее, чем ежедневные попытки не умереть. – Я смотрела Рису в глаза, пока официант расставлял на столе нашу еду. – Это всего лишь концерт. Все будет хорошо, обещаю.

Глава 5

Рис

«*Все будет хорошо*» – значит, полная задница.

Слова Бриджит, произнесенные месяц назад с такой уверенностью, прилетели ей же по голове и, соответственно, мне. Осмотрев место проведения концерта, я категорически запретил ей посещать выступление, проходившее на каком-то сомнительном складе – его давно следовало закрыть за нарушение тысячи и одного правила техники безопасности. Достаточно одного сильного порыва ветра, и оно рухнет.

Но Бриджит нарушила мой приказ и *улизнула* посреди ночи, чтобы посетить этот чертов концерт, после чего ее похитили.

Да-да. Черт подери, похищена наемником – он схватил ее и Аву прямо посреди улицы.

Меня взбесил даже не концерт. Если бы Бриджит настояла на посещении, я бы отправился с ней, потому что она клиентка. Я не мог физически помешать ей исполнить желаемое.

Нет, меня взбесил тот факт, что она действовала тайком – инцидента с похищением можно было бы избежать, если бы она меня не обманывала.

Я глянул в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что Бриджит на месте. Как бы я ни сердился, вид сидящей на

заднем сиденье принцессы – избитой, но живой – немного ослабил ледяной ужас, охвативший меня с того момента, как я проснулся и понял, что ее нет.

К счастью, несколько недель назад мне хватило ума установить в ее телефон секретный чип, и он привел меня в Филадельфию, где я обнаружил их с Авой связанными и в лапах наемного убийцы. Ситуация стала последствием длинной, грязной истории, включавшей в себя Алекса Волкова, его психопата-дядю, похитившего Аву в качестве рычага давления на племянника, и долгие годы секретов и мести.

Честно говоря, на эту драму мне было насрать. Меня волновало только одно – вытащить оттуда Бриджит в целости и сохранности, и я это сделал, пусть и для того, чтобы прикончить ее собственными руками.

– Ава останется у нас на ночь, – Бриджит погладила волосы подруги, встревоженно нахмутив брови, – я не хочу оставлять ее в одиночестве.

Ава свернулась калачиком у Бриджит на коленях – ее рыдания поутихли, но все равно заставляли меня содрогаться. Я понятия не имел, что делать с плачущими людьми – особенно теми, чей уже бывший парень признался, что лгал на протяжении всех отношений ради мести человеку, которого считал убийцей своей семьи. И это только краткая версия произошедшего.

Дерьмовая история, но Алекс Волков всегда был немного безумен в духе: «Если я не в настроении, то могу тебя и при-

кончить». По крайней мере, все остались живы... за исключением его дяди и наемника.

– Хорошо.

Слово срикошетило по машине, как пуля.

Бриджит вздрогнула, и у меня в животе слабо зашевелилось чувство вины. Этого не хватило, чтобы заглушить мой гнев, но хватило, чтобы я чувствовал себя засранцем, когда остановился перед ее домом. Она побывала в настоящем аду, и следовало дать ей отоспаться после событий последних двадцати часов, прежде чем предъявлять претензии.

Ключевое слово – «следовало». Меня никогда особо не волновало, что мне *следует* делать. Важно, что сделать *нужно*, а мне нужно было заставить Бриджит понять, что она не может нарушать мои правила. Они, черт возьми, предназначены для ее защиты, а если с ней что-нибудь случится...

Меня снова охватил ужас.

Мы зашли в дом, и я дождался, пока Ава уйдет в комнату Бриджит, прежде чем кивнуть головой направо.

– На кухню. Сейчас же.

Бриджит обхватила себя руками. Меня охватила очередная вспышка ярости, когда я увидел израненную, покрасневшую от веревок кожу на ее запястьях.

Если бы наемник остался жив, я бы порезал его сам и растянул бы это удовольствие гораздо сильнее, чем Алекс.

Она зашла на кухню и принялась делать чай, упорно избегая моего взгляда.

– Все нормально, – тихо сказала она. – Я в порядке.

На виске запульсировала вена.

– Ты в порядке, – повторил я. Это прозвучало, как рычание.

Нас разделяли полтора метра: я в дверях, со сжатыми кулаками по бокам, а Бриджит у раковины, обхватив руками кружку – на бледном лице сияли огромные глаза. Ее обычное царственное спокойствие исчезло, испарилось под напором событий последних суток, и я заметил легкую дрожь в плечах.

– Я совершила ошибку, но...

– Ошибку? – Я почувствовал, как по венам побежал огонь. – *Ошибка* – это перепутать классную комнату. *Ошибка* – это забыть запереть дверь, уходя из дома. А не оказаться похищенной и едва не убитой психом, потому что ты ускользнула тайком, как школьница. По-моему, это больше чем *ошибка*.

Мой голос становился громче с каждым словом, пока я не сорвался на крик. Раньше я никогда не терял самообладания перед клиентом, но Бриджит обладала странной способностью пробуждать во мне все эмоции – хорошие и плохие.

– Поверь, я не *хотела* оказаться похищенной. – В глазах Бриджит вспыхнуло слабое пламя. – На концерте было абсолютно безопасно, несмотря на твои слова. Все случилось уже после... – Она глубоко вздохнула. – Целью была не я. Целью была Ава, а я оказалась рядом. Подобное может случиться

в любой момент.

Вена на моем виске запульсировала сильнее.

– Нет. *Не могло.* – Я подошел к ней, с мрачным удовольствием заметив, как ее глаза расширились от страха. *Хорошо.* Она *должна* меня бояться, потому что сейчас я устрою ей сладкую жизнь. – И знаешь почему?

Бриджит мудро предпочла не отвечать. С каждым моим шагом она пятилась назад, пока не прижалась спиной к стене, сжимая кружку побелевшими пальцами.

– Потому что *я был бы рядом,* – прошипел я. – Мне абсолютно плевать, кто был целью: ты, Ава или чертова важная птица. Если я был бы рядом, то обезвредил бы засранца прежде, чем он успел ко мне прикоснуться. – Это было не пустое бахвальство, а правда. Я не просто так был самым востребованным агентом «Харпер Секьюрити». – Что я сказал тебе при первом знакомстве?

Бриджит не отвечала.

Что. Я. Тебе. Сказал?

Я уперся предплечьем в стену над ее головой, а ладонью – рядом с ее лицом, и она оказалась в ловушке. Мы были так близко друг к другу, что я почувствовал аромат ее духов – нечто легкое и пьянящее, как цветы в летний день, – и увидел темное колечко вокруг ее зрачков. Раньше я никогда не видел подобных глаз, таких глубоких и синих, словно глубина океана. Такие глаза могли завлечь и затянуть под воду прежде, чем ты успеешь сообразить, что происходит.

Тот факт, что я обращал внимание на такие глупости в худший день собственной карьеры, только разозлил меня еще сильнее.

– Делать, как ты говоришь. – Ее шепот прозвучал чуть оборонительно.

– Именно. Ты не сделала и чуть не погибла из-за этого. – *Если бы я не появился там в тот момент...* Кровь кипела в жилах. Там был Алекс, но этот ублюдок вполне мог и застрелить Бриджит, а не спасти. – Ты знаешь, что могло... – Я осекся. Я снова кричал. Я сжал челюсти и заставил себя сделать глубокий вздох. – Знаю, ты считаешь меня надоедливым параноиком, но я запрещаю тебе некоторые вещи не с целью тебя помучить, принцесса. Я хочу защитить тебя, но если ты продолжишь перечить мне на каждом шагу, то можешь прикончить и себя, и близких. Ты этого добиваешься?
– Нет.

Бриджит по-прежнему говорила с вызовом, но я заметил подозрительный блеск в ее глазах и легкое дрожание подбородка.

Метод кнута сработал, и ей он был нужен.

Тем не менее дальше я заговорил мягче.

– Ты должна доверять мне. Прекрати воспринимать все в штыки и, черт подери, не сбегай за моей спиной. В следующий раз сначала поговори со мной.

– Каждый раз, когда я пытаюсь поговорить, все заканчивается ссорой и разговор ни к чему не приводит. – Бриджит

пристально посмотрела на меня, предлагая поспорить. Я не стал. Я привык все делать по-своему и обычно бывал прав. – Доверие может быть только обоюдным. Ты тайно установил в мой телефон чип...

– И правильно сделал, иначе ты, возможно, уже была бы мертва, – прорычал я.

Она поджала губы, и я невольно перевел взгляд на них. Пухлые, розовые и способные на большую дерзость, чем можно ожидать от чопорной и правильной принцессы. Впрочем, у нее внутри не скрывалось ничего чопорного и правильного... Как и в мыслях, проносающихся в моей голове.

Максимально неподходящее время для любых мыслей, хоть отдаленно связанных с сексом. Ради всего святого, ее похитили меньше сорока восьми часов назад! Но для меня адреналин и возбуждение всегда шли рука об руку, и, честно говоря, она заводила меня практически постоянно. Я хотел ее, даже когда на нее злился.

Мой член набух, а руки снова сжались в кулаки. Я охранял самых красивых женщин планеты – кинозвезд, супермоделей, наследниц, многие из которых ясно давали понять, что с удовольствием подчинятся моим приказам как в спальне, так и за ее пределами, – но никогда не принимал их предложений. Никогда не испытывал желания.

И разумеется, в итоге я возжелал единственную женщину, которая скорее предпочла бы сжечь меня живьем, чем ко мне прикоснуться.

– Ты сказал, я должна доверять тебе. Как это возможно, если ты сам мне не доверяешь? – Бриджит перешла на деловой тон – я слышал его на многочисленных публичных мероприятиях, где ее сопровождал.

Этот тон раздражал до невозможности. Лучше бы она огрызнулась на меня, чем обращалась как с каким-то чертовым незнакомцем, от которого нужно поскорее избавиться.

– Предлагаю компромисс. Убери чип, и я буду делать все, как ты скажешь, если дело касается безопасности. – Бриджит пристально на меня уставилась. – Обещаю.

Просто невероятно. Она провинилась и еще торгуется.

И я даже подумывал сказать «да».

– Почему я должен тебе верить?

Я резко выдохнул, и по ее телу прокатилась легкая дрожь. Я ясно видел ее соски сквозь тонкий черный шелк платья. Твердые, словно камушки, молящие о моем прикосновении. Возможно, причиной был холод – толстые стены и окна с двойным остеклением не могли полностью защитить от сквозняка, – но, судя по раскрасневшимся щекам Бриджит, не только я ощущал напряжение между нами.

Мои ноздри раздулись. Я по-прежнему был тверд как скала и ненавидел себя за это. Ненавидел ее за подобное искушение. Ненавидел себя за недостаток самообладания, когда дело касалось Бриджит.

– Я не нарушаю обещаний, мистер Ларсен. – Бриджит упорно звала меня по фамилии, а я упорно называл ее прин-

цессой. Мы оба раздражались, но никто не отступал первым. *И в этом – все наши отношения.* – Договорились?

Я почувствовал, как что-то запульсировало в плотно сжатых челюстях. *Один. Два. Три.*

Первым побуждением было ответить «Черта с два». Чип – единственная причина, почему она еще жива. Но в тот момент мы оказались ближе к перемирию, чем когда-либо прежде, и, хотя я прекрасно исполнял роль плохого полицейского, я предпочел бы работать со сговорчивой Бриджит, а не дышать ей в затылок каждый день.

– Прекрасно, – выдавил я. – Начнем с испытательного срока. Четыре месяца. Ты выполняешь свою часть сделки, и я отступаю. А если нет, я прикую тебя к себе наручниками, и ты даже помочиться спокойно не сможешь. Ясно?

Она сжала губы еще сильнее, но спорить не стала.

– Четырехмесячный испытательный срок. Прекрасно. – Она поколебалась, затем добавила: – И еще...

Уму непостижимо.

– Ты, наверное, шутишь.

Ее щеки покраснели.

– Не рассказывай никому о случившемся. Особенно дворцу.

– Ты просишь меня солгать.

Мне следовало записывать каждый инцидент с клиентом и передавать Кристиану. Последнему, кто не... Скажем так, он пожалел о своем решении. Сильно пожалел.

– Не солгать, а умолчать, – поправила меня Бриджит. – Сам подумай. Если мой дедушка узнает о случившемся, тебя уволят, и твоя репутация будет испорчена.

Обращение к моему эго. *Хорошая попытка, принцесса.*

– Моя репутация как-нибудь переживет. – Я поднял бровь. – Я думал, ты будешь счастлива от меня избавиться.

Румянец на ее щеках усилился.

– Знаешь, говорят – знакомый черт лучше незнакомого.

– Хм.

Не считая периодического вежливого общения, мы друг друга терпеть не могли, несмотря на мой твердый член и ее твердые соски. Похоть похотью, но если мы продолжим в том же духе, то просто убьем друг друга. Не говоря уже о нарушении всевозможных правил, если сохранить в секрете случившееся в Филадельфии. Я обязан сообщить обо всем Кристиану и предоставить ему общение с дворцом. Он лучше разбирается в этом дипломатическом дерьме.

Но мысль о том, чтобы уйти от Бриджит и больше никогда ее не видеть, вызвала странный приступ дискомфорта. При всей невыносимости она была одной из моих самых интересных клиенток. Умных, добрых, неизбалованных и титулованных.

– Вряд ли просьба имеет хоть малейшее отношение к тому факту, что ты больше никогда не сможешь свободно вздохнуть, едва король узнает о произошедшем. – Мое дыхание щекотало ухо Бриджит, и ее снова пронзила дрожь. – Да,

принцесса?

Для второго кандидата в очереди на трон она обладала изрядной свободой действий. Но если король Эдуард узнает, что кто-то похитил его драгоценную внучку, он посадит ее под замок.

Бриджит с трудом сглотнула:

– Какая разница? В конце концов, мы хотим одного и того же. Сохранить статус-кво. Ты сохраняешь репутацию, я сохраняю свободу.

Сохранить статус-кво? *Едва ли.*

Было бы так легко поддаться ревущей в венах страсти, намотать ее волосы на кулак и узнать, сколько жара скрывается за этой холодной внешностью. Она хотела этого так же сильно, как я. Я слышал это в прерывистом дыхании, видел в ее взгляде, чувствовал, как ее тело слегка подалось мне навстречу.

Очевидно, не только мне вскружили голову гнев и адреналин.

Думай головой, Ларсен. Не головкой.

Я закрыл глаза и заставил себя мысленно сосчитать до пяти. Открыв их снова, я столкнулся со взглядом Бриджит.

Серые тучи против голубого неба.

– Договорились. Но если ты нарушишь условия или опять станешь действовать втайне от меня... – мой тон понизился до зловещего и полного невысказанных угроз, – ты на собственном горьком опыте узнаешь, к чему может привести

Сделка с дьяволом.

Глава 6

Бриджит

Первый месяц проверки

– Да ты шутишь. – Я вытащила черный жилет из упаковки, держа его двумя пальцами, словно грязное белье.

Рис потягивал кофе, не отрывая взгляда от газеты.

– Я никогда не шучу насчет безопасности.

– Это пуленепробиваемый жилет.

– Я в курсе. Я его купил.

Вдох. Выдох.

– Мистер Ларсен, пожалуйста, объясните, зачем мне пуленепробиваемый жилет. Где мне его носить? На занятиях? На следующей волонтерской смене?

– Чтобы защитить тебя от пуль, и да. Если хочешь.

Я почувствовала, как под глазом дернулся мускул. Мы заключили сделку месяц назад, и я получила свое. Я все испортила. Мне не следовало тайно убегать с Авой, но она так переживала из-за проблем с Алексом, что мне захотелось ее поддержать.

И пришлось за это ответить, причем по-крупному.

История с похищением круто изменила мои некогда радужные взгляды на личную безопасность, и я пообещала себе действовать более ответственно. Мне жутко не хотелось признавать правоту Риса – большую часть времени он был

высокомерным засранцем, – но он каждый день рисковал ради меня жизнью. А еще, похоже, намеревался заставить меня отступить от сделки, предлагая возмутительные условия.

Например, долбаный пуленепробиваемый жилет.

– Я купил его на всякий случай, – мягко сказал Рис. – Но раз уж ты предложила, надо будет протестировать его в следующий раз, когда будешь на публике.

Убери чип, и я буду делать все, как ты скажешь, если дело касается безопасности. Обещаю.

Я стиснула зубы. Рис убрал чип, и я не нарушала обещаний.

– Хорошо. – В голове вспыхнула лампочка, и на моем лице медленно расплылась улыбка. – Я надену его сейчас.

Он поднял наконец голову, и его лицо потемнело от недоверия из-за подозрительно легкой капитуляции.

– Куда отправимся?

– По магазинам.

Если Рис что-то и ненавидел, так это ходить со мной по магазинам. Стереотипная мужская слабость, и я намеревалась использовать ее по полной.

Моя улыбка стала шире, в то время как его лицо помрачнело еще сильнее.

Будет весело.

Час спустя мы прибыли в «Хейзелбург молл», четырехэтажную мекку шопинга, где я могла вдоволь помучить Риса. К счастью, была зима, и большую часть жилета получилось

спрятать под толстым свитером и пальто.

По словам Риса, он купил мне облегченную версию, но жилет все равно был жарким, тяжелым и неудобным. Я почти пожалела о плане мести, но свирепое лицо Риса оправдывало все... Пока не случилась катастрофа.

Я примеряла одежду в десятом по счету бутике, когда вдруг застряла в платье. Я случайно ошиблась размером, и неумолимая ткань впилась в ребра, удерживая руки над головой. Я ничего не видела и едва могла пошевелиться.

– Черт.

Я ругалась редко, но ситуация не оставляла выбора. Одним из моих постоянных иррациональных страхов было застрять в одежде посреди магазина.

– Что случилось? – подал голос Рис, стоявший снаружи. – Все в порядке?

– Да. – Я обхватила платье по бокам и снова попыталась его задрать, но тщетно. – Все хорошо.

Через десять минут я вспотела и начала задыхаться от напряжения и нехватки воздуха, а руки болели из-за неудобной позы.

Черт, черт, черт.

– Что, черт подери, там происходит? – раздраженно крикнул Рис через дверь. – Ты слишком долго.

Выбора не оставалось. Нужно было обращаться за помощью.

– Ты не мог бы позвать продавца? Мне нужна помощь...

э-э... с одеждой.

Последовала долгая пауза.

– Ты застряла.

Пламя смущения лизнуло кожу.

– Просто кого-нибудь позови. Пожалуйста.

– Не могу. Одна сотрудница ушла на обед, а у другой – очередь из шести человек на кассе. – Разумеется, Рис отслеживал все передвижения, пока меня ждал. – Я помогу.

Если бы я могла видеть собственное отражение, то точно встретила бы глазами с гримасой ужаса.

– Нет. Тебе нельзя!

– Почему?

– Потому что я... – *Полуголая. Беспомощная*. – В неподобающем виде.

– Я уже видел полуголых женщин, принцесса. Либо впусти меня, и я вытащу тебя из передраги, либо сиди смиренно ближайший час, ведь именно столько времени понадобится кассиру, чтобы разобраться с очередью в выходной. Они движутся медленнее черепахи под морфием.

Вселенная ненавидит меня. Без сомнений.

– Ладно, – выдавила я. Пламя смущения разгоралось все жарче. – Входи.

На дверце раздевалки не было замка, и секунду спустя Рис заполнил собой крошечное пространство кабинки. Даже если бы я не услышала, как он вошел, я бы почувствовала. Его мощная энергетика ощущалась в каждой молекуле воздуха,

и они начинали вибрировать в унисон.

Грубый. Мужественный. Мощный.

Я затаила дыхание, когда он приблизился, мягко ступая по линолеуму. Для человека столь крупной комплекции он двигался с грацией пантеры.

Платье прикрывало грудь, но мои кружевные трусы были полностью открыты, и я старалась не думать, что видит Рис. Он остановился так близко, что я почувствовала исходящее от его тела тепло и чистый, мыльный аромат.

Воздух гудел от напряжения и тишины, когда он взялся за подол платья над моей головой и потянул. Ткань скользнула вверх на полсантиметра и опять застряла – я вздрогнула, когда она впилась в новый участок кожи.

– Я попробую снизу, – сказал Рис отстраненным, сдержанным голосом.

Снизу. Значит, ему придется прикасаться к моей обнаженной коже.

– Хорошо, – слово прозвучало более хрипло, чем мне хотелось бы.

Я напряглась всем телом, когда он положил ладони мне на ребра. Быстро провел большими пальцами по натертому участку, где платье впивалось в кожу, а потом просунул пальцы под ткань и ее потянул вверх.

Я больше не могла задерживать дыхание.

Я выдохнула, и моя грудь поднялась, словно пытаюсь глубже погрузиться в грубые, теплые руки Риса. В тишине дыха-

ние звучало до неловкости громко.

Рис замер. Платье уже наполовину задралось мне на плечи – достаточно, чтобы продемонстрировать грудь в бюстгальтере.

– Успокой дыхание, принцесса, или ничего не выйдет, – сказал он чуть более напряженно, чем минуту назад.

Кожу опалил жар, но я справилась с дыханием, и он продолжил.

Еще сантиметр... еще... и я свободна.

В ноздри ударил свежий воздух, и я заморгала, заново привыкая к свету после двадцатиминутного плена в платье.

Я сжимала пальцами ткань, лицо пылало от смущения и облегчения.

– Спасибо. – Я не знала, что еще сказать.

Рис отступил назад с каменным лицом. Вместо ответа мужчина взял пуленепробиваемый жилет и футболку, которую я носила под ним, и поманил меня пальцем.

– Иди сюда.

– Я могу надеть их сама.

И снова никакого ответа.

Я вздохнула и подошла к нему. Я слишком устала, чтобы спорить, и не стала сопротивляться, когда он натянул на меня футболку, а затем и жилет. Я наблюдала за ним через зеркало – он поправлял жилет и бретельки, добиваясь идеальной посадки. Я по-прежнему держала перед собой платье, прикрывая им нижнее белье.

Впрочем, беспокоиться не следовало. Рис проявлял ко мне не больше интереса, чем к пластмассовому манекену.

Как ни странно, я почувствовала укол раздражения.

Рис закончил с жилетом, и я уже хотела отойти, когда его пальцы железной хваткой сомкнулись на моих бицепсах. Огромные руки обхватывали их с легкостью.

Он встретился со мной взглядом в зеркале и опустил голову – его губы оказались возле моего уха.

Сердце бешено застучало, и я крепче сжала платье.

– Не думай, что я не понял, чем ты занималась весь день. – Дыхание Риса пронеслось по коже зловещим предупреждением. – На этот раз я поддался, принцесса, но я не люблю игры. К счастью для тебя, ты прошла проверку. – Он скользнул ладонями вверх и остановился на плечах, оставив на них пылающие следы. – Тебе следует научиться послушно следовать указаниям. Мне плевать, если ты считаешь мое поведение глупым. Секундная задержка может сыграть решающую роль, когда речь идет о жизни и смерти. Я говорю пригнуться, и ты пригибаешься. Я говорю надеть пуленепробиваемый жилет на чертов пляж, и ты надеваешь. Ясно?

Я продолжала сжимать платье.

– Жилет был проверкой, чтобы узнать, соглашусь ли я его надеть? Это так... *коварно*. – Целый день, потраченный впустую на дурацкую проверку. Меня наполнило негодование. – Ненавижу, когда ты делаешь подобные вещи.

Губы Риса тронула мрачная ухмылка.

– Лучше ты будешь ненавидеть меня живого, чем любить мертвого. – Он отпустил мои плечи. – Одевайся. Мы уходим. Дверь за ним захлопнулась.

Наконец я могла снова вздохнуть спокойно, но не могла остановить эхо его слов в моей голове.

Лучше ты будешь ненавидеть меня живого, чем любить мертвого.

Проблема в том, что я *не испытывала* к нему ненависти. Я ненавидела его правила и ограничения, но не ненавидела *его самого*.

А хотела бы ненавидеть.

Жизнь была бы гораздо проще.

Третий месяц проверки

– Я не смогу пойти.

– Что значит не сможешь? – Изумление Джулс просочилось даже сквозь трубку. – Мы ждали фестиваль со второго курса. Мы даже наряды подобрали, чтобы они сочетались. Стелла арендовала машину! Мы можем погибнуть по дороге, потому что она ужасно водит...

– Я все слышу! – раздался крик Стеллы на заднем плане.

– ...но права есть только у нее.

– Знаю. – Я мрачно глянула на Риса, который сидел на диване и точил нож, словно псих. – Один телохранитель счел мероприятие небезопасным.

Мы с подругами хотели посетить музыкальный фестиваль

в Рокбери много лет, и теперь мне приходилось его пропускать.

– И что? Все равно езжай. Он работает на тебя, а не наоборот.

Мне бы очень хотелось, но у нашей сделки еще длился испытательный срок, и опасения Риса нельзя было назвать полностью необоснованными. Рокбери проходил в палаточном лагере, в полутора часах езды от Нью-Йорка, и каждый год что-то неизбежно происходило: пожар, пьяная массовая драка, паническая давка. А еще в этом году во время фестиваля обещали грозу, а значит, вероятнее всего, кемпинг превратится в гигантскую грязевую яму, но мои подруги все равно решили рискнуть.

– Прости, Джулс, в другой раз.

Джулс вздохнула:

– Скажи своему мужчине, что он чертовски горяч, но полный зануда.

– Он не мой мужчина. Он мой телохранитель.

Я понизила голос, но мне показалось, Рис на миллисекунду замер, прежде чем продолжить точить нож.

– Тем хуже. Он управляет твоей жизнью, а ты ни хрена не получаешь.

– *Джулс.*

– Ты знаешь, что это правда. – Еще один вздох. – Хорошо, я поняла. Мы будем скучать, но наверстаем упущенное, когда вернемся.

– Звучит неплохо.

Я повесила трубку и опустилась в кресло, охваченная страхом пропустить все самое интересное. Я купила билеты на фестиваль несколько месяцев назад, до того, как Рис начал на меня работать, а теперь пришлось продать их случайному младшекурснику.

– Надеюсь, ты счастлив, – сказала я многозначительно.

Он не ответил.

За последние три месяца мы с Рисом научились лучше взаимодействовать, но временами мне по-прежнему хотелось запустить в него учебником. Как сейчас.

Однако на следующие выходные, когда наступил день фестиваля, я проснулась и испытала одно из величайших потрясений в жизни.

Утром я зашла в гостиную и обнаружила, что комната преобразилась. Мебель сдвинули в сторону, а на пол набросали гору подушек с принтами в стиле бохо. Кофейный столик ломился от закусок и напитков, а на экране шла трансляция фестиваля Рокбери в режиме реального времени. Вишенкой на торте стала палатка, украшенная гирляндами лампочек – точно такая же, как установленные на территории фестиваля.

Рис сидел на диване, теперь вплотную прижатом к стене возле окна, и хмуро пялился в телефон.

– Что... – Я потеряла глаза. Нет, мне все это определенно не снилось. Палатка, закуски – все наяву. – Что это?

– Домашний фестиваль, – проворчал он.

– Ты все это устроил. – Я не задала вопрос, а скорее выразила недоверие.

– Неохотно и с чужой помощью. – Рис поднял взгляд. – Твоя рыжая подруга опасна.

Разумеется. Все встает на свои места. Видимо, подруги расстроились, что я пропускаю фестиваль, и подготовили, так сказать, утешительную вечеринку. Но кое-что не сходилось.

– Они уехали прошлым вечером.

– Они завезли все заранее, пока ты принимала душ.

Хм, а это уже вполне правдоподобно. Я принимаю душ подолгу.

Успокоенная и довольная, я схватила чипсы, конфеты и газировку, забралась в палатку с подушками и принялась смотреть по телевизору сети любимых групп. Благодаря прекрасному качеству звука и изображения я почти чувствовала себя там.

Честно говоря, так было даже комфортнее, чем на настоящем фестивале, но мне не хватало компании, с которой можно разделить веселье.

Через час я нерешительно высунула голову из палатки.

– Мистер Ларсен. Может, присоединишься? Тут полно еды.

Он все еще сидел на диване, насупленный, как медведь, который проснулся не на той стороне пещеры.

– Нет, спасибо.

– Давай. – Я махнула рукой. – Не заставляй меня сидеть в одиночестве. Это же грустно.

Губы Риса растянулись в легкую ухмылку, и он поднялся с места:

– Только потому, что ты послушалась и не пошла на фестиваль.

Теперь нахмурилась я:

– Ты будто собаку дрессируешь.

– Большинство вещей в жизни похожи на дрессировку собак.

– Неправда.

– Придешь на работу – получишь зарплату. Будешь ухаживать за девушкой – потрахаешься. Будешь учиться – получишь хорошие оценки. Действие и награда. Так устроено общество.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он был прав.

– Никто уже не использует слово «ухаживать», – пробормотала я. Я ненавидела, когда он был прав.

Его ухмылка стала на миллиметр шире.

Рис не помещался в палатку и поэтому устроился рядышком на полу. Несмотря на уговоры, он так и не притронулся к еде, предоставляя мне разбираться с закусками самостоятельно.

Еще через час я объелась сахаром и углеводами до легкой тошноты, а Рис, казалось, вот-вот заснет от скуки.

– Я смотрю, ты не фанат электронной музыки. – Я потянулась и поморщилась. Последняя пачка чипсов с солью и уксусом была лишней.

– Звучит как фальшивая реклама «Маунтин Дью».

Я чуть не поперхнулась водой.

– Вполне справедливо. – Я вытерла рот салфеткой, не в силах спрятать улыбку. Рис был таким серьезным, что я радовалась всякий раз, когда его каменная маска трескалась. – Тогда ответь. Если тебе не нравится электроника, то что нравится?

– Я особо не слушаю музыку.

– Хобби? – упорствовала я. – У тебя должно быть хобби.

Он не ответил, но короткая вспышка тревоги во взгляде сказала мне все необходимое.

– У тебя оно и правда есть! – Я так мало знала о Рисе вне работы, что хваталась за любую информацию, как изголодавшийся зверь. – Какое? Дай угадаю: вязание. Нет, наблюдение за птицами. Нет, косплей.

Я выбирала самые случайные, неподходящие Рису увлечения, какие только могла придумать.

– Нет.

– Коллекционирование марок? Йога? Покемоны...

– Если я скажу, ты заткнешься? – раздраженно процедил он.

Я ответила блаженной улыбкой:

– Возможно.

Рис долго сомневался, а потом сказал:

– Иногда я рисую.

Из всех вариантов, что я ожидала услышать, это не входило даже в первую сотню.

– Что именно? Наверное, кучу бронированной техники и охранных сигнализаций, – поддразнила я. – И возможно, немецкую овчарку, когда хочется чего-нибудь теплого и пушистого.

Он фыркнул:

– Помимо овчарки, звучит невыносимо скучно.

Я открыла рот, но он поднял руку:

– Не бери в голову.

Я закрыла рот, но улыбка осталась.

– Как ты начал рисовать?

– Мне предложил психотерапевт. Сказал, поможет справиться с моей проблемой. И мне понравилось. – Он пожал плечами. – Терапия закончилась, а рисование осталось.

Я снова удивилась: у него был психотерапевт, и он свободно об этом рассказывал. Большинство людей не признались бы так легко.

Хотя это вполне логично. Он прослужил в армии десять лет. И наверняка пережил немало тяжелых моментов.

– Посттравматическое расстройство? – мягко спросила я.

Рис быстро кивнул:

– Комплексное.

Он не стал вдаваться в подробности, и я не стала настаивать.

вать. Слишком личный вопрос.

– Ты меня расстроил. – Я сменила тему, почувствовав, что он снова начал замыкаться. – Я правда надеялась на косплей. Из тебя вышел бы отличный Тор, только с темными волосами.

– Ты уже второй раз пытаешься стащить с меня футболку, принцесса. Осторожнее, или я подумаю, что ты хочешь меня соблазнить.

Мое лицо запылало.

– Я не пытаюсь стащить с тебя футболку. Тор даже не... – Я осеклась, когда Рис издал низкий смешок. – Ты издеваешься.

– Когда ты злишься, твое лицо напоминает клубнику.

Домашний фестиваль в сочетании со словами Риса «твое лицо напоминает клубнику» создавали впечатление, будто я проснулась в альтернативном измерении.

– Я не похожа на клубнику, – заявила я со всем достоинством, на какое была способна. – И я, по крайней мере, не отказываюсь от операции.

Густые темные брови Риса недоуменно нахмурились.

– Твой вечно угрюмый вид, – уточнила я. – Хороший пластический хирург с этим поможет.

Мои слова на секунду повисли в воздухе, а потом Рис потряс меня до глубины души. Он рассмеялся.

Я услышала настоящий смех, а не легкий смешок, как в Эльдоре. Рис прищурил глаза, и вокруг них появились

слабые морщинки, которые почему-то казались мне сексуальными, а его зубы сверкнули белизной на фоне загорелой кожи.

Звук скользнул по мне, грубый и шершавый – именно такими я представляла его прикосновения.

Не сказать, что я когда-нибудь представляла его прикосновения. Чисто гипотетически.

– Туше.

Улыбка стала еще шире, превратившись из великолепной в сногшибательную.

И тогда случилась еще одна катастрофа, куда более тревожная, чем слишком тесное платье в общественной раздевалке.

Нечто легкое и бархатистое коснулось моего сердца... и *затрепетало*. Всего один раз, но мне хватило, чтобы узнать.

Бабочка.

Нет, нет, нет.

При всей моей огромной любви к животным я не могла допустить, чтобы в моем животе поселилась бабочка. Не из-за Риса Ларсена. Ей следовало немедленно умереть.

– Ты в порядке? – Он бросил на меня странный взгляд. – Выглядишь так, будто тебя вот-вот стошнит.

– Да, в порядке. – Я снова сосредоточилась на экране, изо всех сил стараясь не смотреть на Риса. – Слишком много и быстро съела. Вот и все.

Я пришла в такое смятение, что не могла сосредоточиться

до конца дня, а когда наконец пришло время ложиться спать, заснуть не получалось.

Меня не должен был привлекать мой телохранитель. Не до бабочек в животе.

Они затрепетали, когда мы впервые встретились, но быстро умерли, едва Рис раскрыл рот. Почему они вернулись *сейчас*, когда я полностью осознала, насколько он невыносим?

Соберись, Бриджит.

Телефон завибрировал из-за входящего вызова, и я ответила, радуясь шансу отвлечься.

– Бридж! – завопила Джулс явно навеселе. – Как ты там держишься, детка?

– Я в постели, – рассмеялась я. – Веселитесь?

– Ага-а-а, но тебя не хватает. С тобой было бы веселее.

– Хотела бы я оказаться с вами. – Я смахнула с глаза прядь волос. – Ну, у меня хотя бы был домашний фестиваль. Кстати, потрясающая идея. Спасибо.

– Домашний фестиваль? – растерянно переспросила Джулс. – О чем ты?

– Сюрприз, который вы устроили с Рисом, – подсказала я. – Палатка, подушки, еда?

– Возможно, я пьянее, чем думала, но не понимаю, о чем ты. Я ничего не устраивала с Рисом.

Слова прозвучали искренне, и у нее не было причин лгать. Но если Рис не планировал этого с моими друзьями, то...

Мой пульс ускорился.

Джулс болтала дальше, но я выпала из разговора.

Единственное, о чем я могла думать, – не одна, а тысяча бабочек, проникших в мой живот.

Глава 7

Бриджит

Четвертый месяц проверки

Месяц спустя, к выпускному, я смогла загнать бабочек в клетку, но одной удалось сбежать дважды. Первый раз, когда Рис гладил Мидоу, которая покорила его невероятным очарованием. И второй – когда я увидела, как напряглись мышцы его рук, пока он нес домой продукты.

Мои бабочки довольствовались малым. *Шлюхи*.

Но, несмотря на надоедливых тварей, самовольно поселившихся в животе, я старалась вести себя с Рисом нормально. Другого варианта попросту не было.

– Я получу медаль или почетную грамоту за невероятную выдержку, проявленную за последние четыре месяца?

Последний день моего испытательного срока совпал с выпускным вечером, и я не смогла удержаться и поддразнила Риса, пока Ава настраивала камеру на штативе. Сегодня она была нашим неофициальным фотографом.

– Нет. Ты получишь телефон без чипа.

Рис осмотрел толпу, сверля подозрительным взглядом папаш с пивными животами и мамаш, с ног до головы наряженных в «Тори Бёрч»⁴.

⁴ Tory Burch – американский модный бренд среднего класса, базирующийся

– В нем не было чипа все это время.

– Теперь он *останется* без чипа.

Судя по всему, Рис никогда не слышал о поддержании настроения. Я пыталась веселиться, а он был серьезнее сердечного приступа.

Серьезно, Бриджит? Из-за вот этого парня порхают бабочки?

Прежде чем я успела придумать остроумный ответ, Ава жестом пригласила нас сфотографироваться, и Рис остался на месте, а я втиснулась в кадр вместе с Джулс, Стеллой, Джошем и Авой, которая управляла камерой через приложение на телефоне.

Разберусь с неуместным трепетом позже. Сегодня мой последний день в кампусе в качестве студентки, и надо наслаждаться моментом.

– Ты наступил мне на ногу, – напустилась Джулс на Джоша.

– Твоя нога мне мешала, – огрызнулся тот.

– Будто я могла намеренно поместить любую часть своего тела на твоем пути...

– Придется теперь облиться антисептиком, чтобы...

– Хватит! – Стелла махнула рукой, поразив всех резким тоном. Обычно в нашей компании она была самой спокойной. – А то выложу ваши откровенные и крайне нелестные фотографии в интернет.

Джош и Джулс ахнули.

– Ты этого не сделаешь, – протянули они хором, прежде чем обменяться враждебными взглядами.

Я сдержала смешок, а Ава, которая обычно исполняла роль вынужденной посредницы между подругой и братом, улыбнулась.

Со временем нам удалось сделать приличный групповой снимок, а потом еще и еще, пока наконец мы не получили достаточно фотографий, чтобы заполнить полдюжины альбомов, и не пришло время прощаться.

Я обняла друзей, пытаюсь проглотить застрявший в горле комок эмоций.

– Ребята, буду скучать.

Джулс и Стелла оставались в Вашингтоне, чтобы учиться на юридическом факультете и работать в журнале «ДиСи Стайл» соответственно, но Ава отправлялась в Лондон на годовую стажировку для фотографов, а я переезжала в Нью-Йорк.

Я уговорила дворец позволить мне остаться в США в качестве королевского посла. Если на каком-то событии требовалось присутствие королевской особы из Эльдорры, я была подходящей кандидатурой. К сожалению, как бы мне ни хотелось остаться в Вашингтоне, большинство событий происходило в Нью-Йорке.

Я обнимала Аву крепче и дольше всех. За последние месяцы она пережила ад – семейную драму и разрыв с Алек-

сом, – и ей требовалась дополнительная любовь.

– Ты полюбишь Лондон, – сказала я. – Начнешь все сначала, плюс у тебя есть моя маленькая черная книжечка обязательных для посещения мест.

Ава слегка улыбнулась:

– Уверена, так и будет. Спасибо.

Она огляделась – наверное, искала Алекса. Что бы Ава ни говорила, она не могла его забыть и, вероятно, не сможет еще какое-то время.

Я не заметила его в толпе – впрочем, неудивительно. Этот предполагаемый гений порой вел себя как полный идиот. Он сказал и сделал несколько дурацких вещей, но заботился об Аве. И просто был либо слишком упрям, либо слишком глуп, чтобы вести себя соответственно.

Я мысленно запланировала зайти к нему перед отъездом в Нью-Йорк. Я устала ждать, пока он вытащит голову из задницы.

После очередных объятий мои друзья постепенно разошлись, и наконец остались только я и Рис.

Дедушка и Николай хотели приехать, но в последний момент поездка сорвалась из-за дипломатического кризиса с Италией. Оба расстроились, не желая пропускать мой выпускной, но я заверила их, что все нормально.

И все действительно было нормально. Я понимала, какие обязанности влекут за собой корона и статус наследника. Но это не значило, что я не могла испытать немного жалости к

себе.

– Готова? – спросил Рис чуть мягче обычного.

Я кивнула, не обращая внимания на свербящее внутри одиночество, пока мы шли к машине. Выпускной, переезд в другой город, прощание со всем, что я любила последние четыре года... Слишком много перемен за слишком короткое время.

Глубоко погружившись в мысли, я не замечала, что мы направляемся в город, а не домой, пока не увидела вдалеке сияющий монумент Вашингтону.

– Куда мы едем? – подскочила я. – Ты ведь не тащишь меня на какой-нибудь склад, чтобы зарезать?

Я не видела лица Риса, но *услышала*, как он закатывает глаза.

– Если бы я хотел это сделать, то управился бы на следующий же день после встречи с тобой.

Я нахмурилась, скорее оскорбившись, чем успокоившись, но едкий ответ замер у меня на губах, когда он добавил:

– Подумал, ты не захочешь оставаться дома и заказывать еду навынос в выпускной вечер.

Я не хотела оставаться дома в выпускной вечер. Это казалось ужасно грустным, но еще грустнее было ужинать в одиночестве в каком-нибудь модном ресторане.

Меня сопровождал Рис, но ему платили за присутствие, и он был не самым разговорчивым собеседником. Тем не менее он точно знал, что мне нужно, хотя я не сказала ни слова.

Еще одна бабочка вспорхнула в животе, прежде чем я толкала ее обратно в клетку.

– Так куда мы едем?

Я повторила вопрос – любопытство вытеснило всю меланхолию.

Он остановился перед торговым центром. В Вашингтоне их было немного, но этот обладал всеми необходимыми атрибутами, включая «Сабвэй», маникюрный салон и ресторан «Валиа».

– Лучшая эфиопская кухня в городе.

Рис заглушил двигатель.

Мое сердце замерло. Эфиопская кухня – моя любимая. Конечно, Рис мог выбрать место наугад, не помня этого факта, – я однажды случайно проговорила по дороге домой.

– Я тебе не верю, – сказала я. – Лучшая эфиопская кухня – на Ю-стрит.

Но нет. Полчаса спустя, едва попробовав лепешку *инджера* и говядину *тибс вот*, я поняла – Рис прав. Это лучший эфиопский ресторан в городе.

– Как я могла не знать об этом месте? – недоумевала я, отламывая еще один кусок инджеры и зачерпывая им мясо. В эфиопской культуре хлеб – не только еда, но и посуда.

– Большинство людей не решаются сюда заходить. Несколько месяцев я охранял высокопоставленное лицо из Эфиопии. И узнал об этом заведении исключительно по этой причине.

– Ты полон сюрпризов. – Я задумчиво прожевала еду. А проглотив, сказала: – Раз сегодня мой выпускной, давай поиграем в игру. Назовем ее «Знакомство с Рисом Ларсеном».

– Звучит скучно. – Рис окинул ресторан взглядом. – Я уже знаком с Рисом Ларсеном.

– А я – нет.

Он тяжело вздохнул, и я едва сдержала радость – такой вздох означал, что он вот-вот сдастся. Это случалось нечасто, но, когда случалось, я радовалась, как ребенок в кондитерской.

– Ладно. – Рис откинулся на спинку стула и сложил руки на животе, демонстрируя недовольство. – Только потому, что сегодня твой выпускной.

Я улыбнулась.

Бриджит: один. Рис: ноль.

Остаток ужина я засыпала его вопросами, которые хотела задать всегда, начиная с мелочей.

Любимое блюдо? Печеный сладкий картофель.

Любимый цвет? Черный. (Шок.)

Любимый фильм? «Бешеные псы».

Закончив с основами, я подобралась к более личной территории. К моему удивлению, он без пререканий ответил на большинство вопросов. И отказывался говорить только о своей семье.

Самый большой страх? Неудача.

Самая большая мечта? Мир.

Самое большое сожаление? Бездействие.

Рис не пояснял свои расплывчатые ответы, и я не стала его подталкивать. Он уже дал мне больше ожидаемого, и, если бы я передала, он бы закрылся.

Постепенно я набралась смелости рассказать о том, что терзало меня последние несколько недель.

Медовое вино сыграло свою роль. От него стало тепло и весело, и с каждым глотком мои барьеры рушились.

– Тот домашний фестиваль, который ты устроил во время Рокбери...

Рис проткнул ножом кусок говядины, не обращая внимания на женщин за соседним столиком, глазевших на него из-за угла.

– Да?

– Когда я рассказала подругам, они не знали, о чем я.

На всякий случай я уточнила и у Авы со Стеллой, и обе уставились с таким изумлением, словно у меня выросла вторая голова.

– И?

Я допила вино, пытаюсь справиться с волнением:

– А ты говорил, мои подруги помогли все устроить.

Рис тихо жевал, не отвечая.

– Ты... – В горле образовался странный ком. Видимо, я слишком много съела. – Придумал все сам? И устроил самостоятельно?

– Это пустяки.

Он продолжал есть, не поднимая взгляда.

Я поняла, что это он, как только поговорила с Джулс, но услышать подтверждение лично – совсем другое дело.

Все бабочки разом вылетели из клетки, а ком в горле увеличился.

– Совсем не пустяки. Это было... очень заботливо. Как и сегодня вечером. Спасибо. – Я крутила на пальце серебряное кольцо. – Только я не понимаю, почему ты не сказал, что это твоя идея, и зачем вообще это сделал. Я тебе даже не нравлюсь.

Риса нахмурился:

– Кто сказал, что ты мне не нравишься?

– Ты.

– Я никогда такого не говорил.

– Ты намекал. Ты вечно угрюмый и меня ругаешь.

– Только если ты не слушаешься.

Я проглотила ехидный ответ. Вечер шел замечательно, и мне не хотелось его портить, даже если рядом с Рисом я порой чувствовала себя непослушным ребенком.

– Я не сказал, потому что это было неуместно, – мрачно добавил он. – Ты моя клиентка. Я не должен... делать такие вещи.

Мое сердце колотилось о ребра.

– Но все равно сделал.

Губы Риса сжались в недовольную линию, будто он злился на собственные действия.

– Да.

– Почему?

Наконец он поднял глаза и встретился со мной взглядом.

– Потому что мне не понаслышке знакомо одиночество.

Одиночество.

Слово задело меня сильнее, чем следовало. Физически я не была одна – меня постоянно и ежедневно окружали люди. Но, как я ни старалась притворяться обычной студенткой колледжа, я ею не была. Я была принцессой Эльдорры. Это означало не только гламур и известность, но и телохранителей, круглосуточную охрану, бронежилеты и жизнь, которую приходилось планировать, а не проживать.

Другие знакомые мне члены королевской семьи – в том числе и мой брат – были довольны жизнью в аквариуме. Я одна из всех сил сжималась в комок, отчаянно пытаюсь вырваться из собственной кожи.

В одиночестве.

Рис каким-то образом осознал эту несомненную истину раньше, чем я сама.

– Заботливый *и* наблюдательный. – Он всегда следил за происходящим вокруг, но я не ожидала, что он настолько внимательно наблюдал за мной, разглядев то, что я скрывала даже от себя. – Ты действительно полон сюрпризов.

– Никому не рассказывай, иначе придется их убить.

Напряжение спало, и на моих губах расцвела легкая искренняя улыбка.

– Еще и с юмором. Похоже, твое тело похитили инопланетяне.

Рис фыркнул:

– Пусть только попробуют.

Больше вопросов я не задавала, а Рис не предлагал ответов. Мы закончили ужин в дружеском молчании, а после того как Рис расплатился – он отказался разделить счет пополам, – мы отправились прогуляться в ближайший парк.

– Ты правда позволишь мне разгуливать без жилета? – поддразнила я. Пуленепробиваемый жилет висел в глубине шкафа – я не доставала его после поездки в торговый центр.

В голове промелькнуло воспоминание о руках Риса на моей коже, и я почувствовала, что краснею.

Слава богу, на улице темно.

– Не заставляй меня пожалеть об этом. – Рис сделал паузу, потом добавил: – Ты доказала, что достойна доверия, и я могу не дышать тебе в затылок.

Он сказал это почти неохотно.

В последние месяцы я *действительно* стала осторожнее в своих действиях, даже без прямых указаний Риса, но не ожидала, что он заметит. Прежде он никогда об этом не говорил.

В животе разлилось приятное тепло.

– Господин Ларсен, возможно, мы все-таки не уьем друг друга.

Его губы дрогнули.

Мы продолжали гулять по парку – мимо парочек на скамейках, подростков у фонтана и уличного музыканта, душевно играющего на гитаре.

Мне хотелось остаться в этих спокойных мгновениях навсегда, но ужин, алкоголь и долгий день давали о себе знать, наполняя мои мышцы усталостью, и я не смогла сдержать зевок.

Рис сразу заметил:

– Надо идти, принцесса. Тебе пора в постель.

Возможно, я уже бредила от усталости и эмоционального дня или сказался продолжительный перерыв в отношениях с противоположным полом, но в голове возникла картина, как он укладывает меня «в постель», и все мое тело вспыхнуло.

Потому что в моем воображении мы занимались чем угодно, кроме сна.

Обнаженный Рис сверху, снизу, сзади... Образы заполнили мой мозг, бедра сжались, а одежда начала царапать кожу. Язык вдруг словно распух, и дышать стало слишком трудно.

Моя первая сексуальная фантазия о Ресе – пока он стоит всего в нескольких метрах и смотрит прямо на меня.

Я принцесса. Он мой телохранитель.

Мне двадцать два. Ему тридцать два.

Все совершенно неправильно, но остановиться невозможно.

Взгляд Риса потемнел. Мысли читать невозможно, но у

меня возникло жуткое ощущение, что он каким-то образом проник в мой мозг и обнаружил каждую грязную, запретную мысль о нем.

Я открыла рот, отчаянно подыскивая слова – нужно было сказать хоть что-то, прервать опасно напряженную тишину.

Но прежде, чем я успела произнести хоть слово, в ночи раздался выстрел – и воцарился хаос.

Глава 8

Бриджит/рис

БРИДЖИТ

Секунду назад я стояла. И вот уже лежала на земле, прижимаясь щекой к траве, и Рис прикрывал меня своим телом, а по парку разносились крики.

Все случилось мгновенно – мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы догнать мой бешеный пульс.

Ужин. Парк. Выстрелы. Крики.

Эти слова имели смысл по отдельности, но объединить их в связную мысль не получалось.

Раздался еще один выстрел, за ним последовали новые крики.

Рис надо мной так тихо и резко выругался, что я скорее почувствовала, чем услышала.

– На счет «три» бежим к деревьям. – Его уверенный голос немного меня успокоил. – Поняла?

Я кивнула. Ужин грозил вернуться наружу, но я заставила себя сосредоточиться. Нельзя терять самообладание, пока мы на виду у стрелка.

Теперь я его увидела. Из-за темноты было сложно разо-

брать что-то кроме волос – длинных и вьющихся на затылке – и одежды. Толстовка, джинсы, кроссовки. Он был похож на многих моих однокурсников из Тайера и потому казался еще более устрашающим.

Он стоял к нам спиной, смотрел на что-то, *на кого-то* – на жертву, – но в любую секунду мог обернуться.

Рис подвинулся, чтобы я смогла встать на четвереньки, но продолжал держаться низко к земле. Он вытащил револьвер – угрюмый, но заботливый мужчина с обеда исчез, превратившись в хладнокровного солдата.

Сосредоточенного. Целеустремленного. Смертельно опасного.

Я впервые увидела, каким человеком он был в армии, и по спине пробежали мурашки. Я сочувствовала всем, кому приходилось сражаться с ним на поле боя.

Все тем же спокойным голосом Рис считал:

– Один, два... *Три.*

Я не думала. Я побежала.

Сзади раздался еще один выстрел, я вздрогнула и споткнулась о камень. Рис крепко схватил меня за руки, продолжая прикрывать своим телом, и повел к деревьям на краю парка. Добраться до выхода в обход стрелка не получалось, к тому же там вообще не было укрытия – оставалось только дожидаться полиции.

Они ведь должны вот-вот приехать, верно? Кто-то из других людей в парке наверняка им уже позвонил.

Рис потянул меня вниз, за большое дерево.

– Жди здесь и не двигайся, пока я не дам добро, – приказал он. – Главное, чтобы тебя никто не видел.

Сердце заколотилось с бешеной скоростью.

– Ты куда?

– Кто-то должен его остановить.

У меня выступил холодный пот. Нет, мне показалось, он не мог такое сказать.

– Но необязательно *ты*. Полиция...

– Когда они приедут, будет слишком поздно. – Я еще никогда не видела Риса таким мрачным. – *Не. Шевелись.*

И он ушел.

Я с ужасом наблюдала, как Рис пересек широкий газон, направляясь к стрелку – тот нацелил пистолет на кого-то, лежащего на земле. Скамья загораживала обзор, но когда я опустилась пониже, то смогла под нее заглянуть, и мой ужас удвоился.

Там был не один человек. А *двое*. Мужчина и, судя по размерам, ребенок.

Теперь я поняла, почему у Риса было такое выражение лица.

Кто целится в *ребенка*?

Я прижала кулак ко рту, сдерживая тошноту. Меньше часа назад я подтрунивала над Рисом за хлебом и вином и думала о сборах перед отъездом в Нью-Йорк. А теперь прячусь за деревом в каком-то парке, наблюдая, как мой телохранитель

бежит навстречу возможной смерти.

Рис был опытным солдатом и охранником, но все-таки оставался человеком, а люди умирали. Они могли исчезнуть всего за одну минуту, оставив после себя лишь пустую безжизненную оболочку.

«Милая, боюсь, у меня плохие новости». Глаза деда покраснели, и я прижала к груди плюшевого жирафа. Мое тело сковал страх. Дедушка никогда не плакал. «Твой отец. Случилась авария».

Сморгнув воспоминание, я увидела, как человек на земле слегка повернул голову. Он заметил Риса за спиной у парня с пистолетом.

К сожалению, этого небольшого движения оказалось достаточно, чтобы предупредить стрелка – тот развернулся и выстрелил в третий раз, одновременно с Рисом.

С моих губ сорвался крик.

Риса. Подстрелили. Риса. Подстрелили.

Слова крутились в моем мозгу, как самая ужасная в мире мантра.

Стрелок рухнул на землю. Рис пошатнулся, но остался стоять.

Вдали завывали полицейские сирены.

Вся сцена, от первого кадра и до последнего, разыгралась меньше чем за десять минут, но ужас имеет свойство растя-

гивать время до такой степени, что каждая секунда превращается в вечность.

Казалось, ужин был много лет назад. Выпускной – в прошлой жизни.

Я инстинктивно вскочила на ноги и понеслась к Рису. В груди бешено колотилось сердце. *Пожалуйста, будь в порядке.*

Когда я добежала до своего телохранителя, он уже обезоружил противника – тот растянулся на земле и стонал, истекая кровью. В нескольких метрах лежал раненый мужчина, в которого целился стрелок, его лицо белело в лунном свете. Ребенок, мальчик лет семи-восьми, сидел рядом на коленях и смотрел на нас с Рисом огромными, перепуганными глазами.

– Ты что, черт подери, творишь? – крикнул Рис, увидев меня.

Я принялась лихорадочно искать на нем повреждения, но он стоял, разговаривал и ворчал, как обычно, а значит, не мог быть *слишком опасно* ранен.

А вот мальчика явно требовалось успокоить.

Проигнорировав вопрос Риса, я присела, оказавшись на уровне глаз ребенка.

– Все в порядке, – мягко сказала я. Я не придвигалась ближе, чтобы не испугать его еще сильнее. – Мы не причиним тебе вреда.

Он крепче сжал руку своего, как я предположила, отца.

– Мой папа умрет? – тихо спросил он.

В горле встал ком. Я была примерно его возраста, когда погиб мой отец, и...

Стоп. Речь не о тебе. Сосредоточься на происходящем.

– Скоро приедут врачи, они его быстро вылечат.

По крайней мере, я очень надеялась. Мужчина то приходил в себя, то снова терял сознание, из его раны сочилась кровь, пачкая кроссовки мальчика.

Рис опустил на корточки рядом со мной.

– Она права. Врачи знают, что делать. – Он заговорил мягким голосом, которого я прежде никогда не слышала, и в груди что-то сжалось. Сильно. – Мы побудем с тобой, пока они не приедут. Договорились?

У мальчика дрожала нижняя губа, но он кивнул:

– Хорошо.

Прежде чем мы успели сказать что-то еще, нас осветил яркий свет, и по парку прогремел голос:

– Полиция! Руки вверх!

РИС

Вопросы. Медицинские осмотры. Еще вопросы, плюс несколько хлопков по плечу за «героизм».

События следующего часа оказались небывалым испытанием для моего терпения... не считая этой проклятой женщины.

– Я сказал тебе *оставаться на месте*. Совсем простое указание, принцесса, – прорычал я.

Ее бегство в мою сторону вызвало у меня больше ужаса, чем направленный в лицо пистолет.

И неважно, что я обезоружил стрелка. Вдруг у него был второй пистолет, который я не заметил?

Ужас провел когтями по позвоночнику.

Я мог вынести выстрел. Но не вынес бы, если бы пострадала Бриджит.

– Вас подстрелили, мистер Ларсен. – Она скрестила руки на груди. Я сидел в машине «Скорой помощи», а она стояла передо мной, упрямая, как всегда. – Ты уже нейтрализовал стрелка, и я подумала, ты *умрешь*.

Ее голос дрогнул, и мой гнев рассеялся.

Не считая приятелей с флота, я не мог вспомнить, когда в последний раз кто-нибудь *искренне* переживал, жив я или мертв. Но Бриджит по какой-то загадочной причине переживала – и не только потому, что я ее телохранитель. Я видел это в ее глазах и слышал в слабой дрожи обычно ровного, четкого голоса.

И будь я проклят, если это осознание не ударило меня в грудь сильнее пули.

– Я в порядке. Пуля просто задела. Всего-навсего царапина.

Врачи «Скорой» меня перевязали, и недели через две-три я буду как новенький.

Я застиг стрелка врасплох, и он выстрелил инстинктивно, не целясь. Я быстро уклонился и избежал куда более неприятного ранения плеча.

Полиция поместила его в медицинский изолятор. Случившееся еще предстояло расследовать, но, как я понял, стрелок умышленно целился в отца ребенка. Что-то про неудачную сделку и банкротство. Стрелок настолько накачался наркотиками, что решил творить возмездие в парке, полном людей.

К счастью, из-за тех же наркотиков он продолжал болтать о неправильном поведении отца ребенка, а не стрелял на поражение.

Мальчика и его папу уже увезли в больницу. Мужчина потерял много крови, но жить будет. Парнишка тоже в порядке. Напуганный, но живой. Я сам осмотрел его, прежде чем они ушли.

Слава богу.

– Ты истекал кровью.

Бриджит провела пальцами по перевязанной ране, и ее прикосновение прожгло до костей даже сквозь марлю.

Я напрягся, и она замерла.

– Больно?

– Нет.

Во всяком случае, не в том смысле, что она имела в виду.

Но то, как она смотрела – будто боялась, что я могу исчезнуть, если моргнет. Сердце заныло, словно она оторвала

от него кусок и забрала себе.

– Держу пари, ты представляла выпускной вечер совершенно иначе. – Я провел рукой по подбородку, и губы скривились в ухмылке. – Следовало ехать домой сразу после ужина.

Я использовал неубедительный повод – прогулку после еды, – чтобы оправдать поход в парк, но на самом деле мне просто хотелось продлить вечер, ведь наутро мы снова вернемся к прежним отношениям. Принцесса и телохранитель, клиентка и наемный работник.

Большее – исключено, но безумные мысли все равно проникли в мой разум во время ужина. Мысли, что я могу провести с ней так целую ночь, хотя обычно ненавижу отвечать на вопросы о собственной жизни. Размышления, прекрасна ли Бриджит на вкус так же, как и на вид, и желание сорвать с нее маску холодности и добраться до огня внутри. Наслаждаться его теплом, и пусть этот огонь сожжет весь мир, пока не останемся только мы.

Как я сказал, безумные мысли. Я отшвырнул их прочь, едва они появились, но они еще оставались в глубинах сознания, как слова прилипчивой песни, которая никуда не исчезнет.

Моя ухмылка стала шире.

Бриджит покачала головой.

– Нет. Вечер был отличный, пока... ну, вот. – Она обвела рукой парк. – Если бы мы поехали домой, мальчик с отцом

могли погибнуть.

– Возможно, но я облажался. – Подобное случалось нечасто, но если случалось, я признавал. – Я телохранитель, и мой главный приоритет – защищать тебя, а не играть в спасителя. Надо было вытащить тебя отсюда и не вмешиваться, но... – На моем подбородке дрогнул мускул.

Бриджит терпеливо ждала, пока я закончу. Даже с растрепанными волосами и в испачканном платье, она могла сойти за ангела в чертовом аду моей жизни. Светлые волосы, океаны глаз и сияние, порожденное вовсе не внешней красотой, а внутренней.

Она была слишком прекрасна, чтобы соприкоснуться с моим уродливым прошлым, но нечто заставляло меня продолжать.

– Когда я учился в старшей школе, то общался с одним парнем. – Воспоминания развернулись, как залитая кровью пленка, и знакомое острие вины вонзилось в живот. – Не дружил, но ближе у меня никого не было. Мы жили в нескольких кварталах друг от друга и тусовались у него по выходным.

Я никогда не приглашал Трэвиса к себе домой. Не хотел, чтобы он увидел, каково там.

– Однажды я пришел и увидел, как его грабят под дулом пистолета прямо во дворе. Его мама ушла на работу, а район был неблагополучный, там такие вещи случались. Но Трэвис отказывался отдать часы. Это был подарок давно умершего отца. Грабитель не принял отказа и застрелил Трэвиса

на месте среди бела дня. Никто, в том числе и я, ни черта не сделал. В нашем районе было два закона выживания: первый – держи рот на замке, второй – не лезь в чужие дела.

Я почувствовал во рту резкий привкус. Вспомнил, как тело Трэвиса упало на землю. Кровь, сочащаяся из груди, удивление в глазах... И предательство, когда он увидел меня – как я стоял и наблюдал за его смертью.

– Я пошел домой, меня вырвало, и я пообещал себе, что больше никогда не буду трусом.

Самое большое сожаление? Бездействие.

Я пошел в армию, чтобы обрести цель в жизни и семью, которой у меня никогда не было. Я стал телохранителем, чтобы отпустить себе грехи, от которых никогда не смог бы очиститься.

Спасенные жизни в обмен на отнятые, прямо или косвенно.

Самый большой страх? Неудача.

– Ты не виноват, – сказала Бриджит. – Ты тоже был ребенком. И ничего не мог сделать против вооруженного мужчины. Если бы попытался, то тоже мог погибнуть.

Вот оно. Очередная заминка на слове *погибнуть*.

Бриджит отвела взгляд, но я успел заметить подозрительный блеск в ее глазах.

Я сжал и разжал кулаки.

Не делай этого. Впрочем, за сегодняшний вечер я успел облажаться уже несколько раз. Одним больше, одним мень-

ше.

– Иди сюда, принцесса. – Я раскрыл одну руку. Она подошла и уткнулась лицом в мое здоровое плечо. Мы оказались уязвимее друг перед другом, чем когда-либо с момента нашей встречи, и внутри меня что-то надломилось. – Все хорошо. – Я неловко погладил ее по руке. Я всегда дерьмово утешал людей. – Все закончилось. У всех все хорошо, кроме говнюка с пистолетом. Хотя, похоже, сегодня стоило прихватить из дома пуленепробиваемый жилет.

Мое тело завибрировало от ее сдавленного смеха.

– Это шутка, мистер Ларсен?

– Наблюдение. Я не...

– Шучу, – закончила она. – Знаю.

Мы еще немного посидели в машине «Скорой», наблюдая за работой полиции, и я пытался подавить свирепую жажду защищать ее, переполнявшую грудь. Я защищал всех клиентов, но здесь было другое. Нечто более инстинктивное.

Одна часть меня хотела оттолкнуть ее подальше, а другая – затащить в объятия и оставить себе.

Только я не мог.

Бриджит была слишком юной, слишком невинной и слишком недоступной, и мне следовало об этом помнить.

Глава 9

Бриджит

Что-то изменилось в вечер моего выпускного. Возможно, свою роль сыграла общая травма или добровольный рассказ Риса о прошлом, но наш давний антагонизм превратился в нечто иное – оно не давало мне спать по ночам и сводило с ума бабочек в животе.

Это была не совсем *влюбленность*. Скорее, влечение в сочетании с... Любопытством? Восхищением? В любом случае происходящее нервировало, потому что в списке моих потенциальных худших идей на второй строчке стояло «сбежать и оказаться похищенной». А «воспылать неплатоническими чувствами к телохранителю» – под номером один.

К счастью, из-за плотного графика в Нью-Йорке я едва успевала дышать, и мне было совершенно не до неуместных фантазий.

Мы с Рисом переехали на Манхэттен через три дня после выпускного, и мое лето наполнилось собраниями благотворительного совета, общественными мероприятиями и поисками жилья.

К августу я подписала договор об аренде чудесного таунхауса в Гринвич-Виллидж, сносила две пары каблуков и перезнакомилась со всем высшим светом, хотя с некоторыми предпочла бы не встречаться.

– Ускользает.

Рис оглядел окружающую толпу.

Мы пришли на открытие новой выставки, посвященной художникам Эльдорры, – обычно подобные события не привлекают внимания, но в списке гостей оказался звезда боевиков Нейт Рейнольдс, и собралась целая толпа папарацци.

– Что? – переспросила я, продолжая улыбаться и позировать перед камерами. Со временем выходы в свет стали уютными. Еще чуть-чуть, и я бы умерла от скуки из-за бесконечных улыбок, приветствий и светских разговоров, но это было частью моих обязанностей, так что я улыбалась и махала. В буквальном смысле.

– Твоя улыбка. Она ускользает.

И правда. Я даже не заметила.

Я снова увеличила ослепительность улыбки и сдержала зевок. *Господи, скорее бы домой.* Впереди еще обед, два интервью, заседание совета Нью-Йоркского фонда спасения животных и несколько мелких дел, но потом... пижама и сладкий сон.

Я не *ненавидела* свою работу, но хотела бы заниматься чем-то более значимым, а не просто быть ходячим и говорящим манекеном.

Так все и шло. День за днем, месяц за месяцем – одно и то же. Осень перешла в зиму, потом в весну и лето, потом снова в осень.

Рис всегда был рядом – по-прежнему суровый и угрю-

мый, но умеривший свою деспотичность. Ну, по его меркам. По сравнению с нормальным человеком его гиперопека по-прежнему доходила до невротизма.

Перемена вызывала у меня противоречивые чувства. Я радовалась большей свободе, но больше не могла использовать свое раздражение в качестве щита, чтобы отгородиться от того, что потрескивало между нами.

А оно определено *было*. Только я сомневалась, вижу ли это я одна или Рис тоже.

Но не спрашивала. Так безопаснее.

– Ты не думал заняться чем-то кроме телхранения? – спросила я однажды в тот редкий вечер, когда мы остались дома. У меня не было никаких планов, кроме свидания с телевизором и мороженым, и это не могло не радовать.

Наступил сентябрь – прошло почти два года с тех пор, как мы с Рисом впервые встретились, и больше года с моего переезда в Нью-Йорк. Я уже развесила сезонные украшения – в частности, осенний венок над камином, разложила подушки и пледы землистых тонов и пристроила мини-тыкву на журнальном столике.

Мы с Рисом смотрели дурацкую комедию из моих рекомендаций на «Нетфликсе». Он сидел, выпрямив спину, полностью одетый в рабочий костюм, а я свернулась калачиком на диване с банкой мороженого в руке.

– Телхранения?

– Если такого слова не существует, я введу его королев-

ским указом.

Он ухмыльнулся:

– Еще бы. А ответ на твой вопрос – нет. В день, когда задумаюсь, я оставлю «телохранение».

Я закатила глаза:

– Наверное, приятно видеть все в черно-белых цветах.

Рис на мгновение задержал на мне взгляд, прежде чем отвести глаза.

– Поверь, – сказал он. – Не все.

Сердце необъяснимым образом пропустило удар, но я заставила себя не уточнять, что он имеет в виду. Вероятно, ничего особенного. Случайно брошенная фраза.

Вместо этого я сосредоточилась на фильме, стараясь *не смотреть* на мужчину, сидящего рядом.

Сработало. Вроде.

Я рассмеялась над какой-то репликой и заметила, что Рис искоса на меня поглядывает.

– Хороша, – сказал он.

– Что?

– Твоя настоящая улыбка.

Забудьте о пропущенном ударе. Мое сердце решило пропустить их десяток-другой.

Однако мне удалось скрыть эмоции, направив на него ложку.

– Это был комплимент.

– Как скажешь.

– Не увиливай. – Я с гордостью отметила, как ровно звучит мой голос, пока внутри все безумствует. Трепещет, прыгает, крутится. – Мы перешли рубеж. Первый комплимент Риса Ларсена для Бриджит фон Ашеберг, всего-то через два года. Надо это отметить.

Рис фыркнул, но его глаза светились весельем.

– Год и десять месяцев, – поправил он. – Если считать.

Значит, он считал.

Если мое сердце пропустит еще хоть одну песню, у него не останется плейлиста.

Плохо. Дело совсем плохо.

Что бы я ни испытывала к Рису, мне не следовало давать волю этому чувству. Пытаясь избавиться от все более тревожных реакций на собственного телохранителя, я согласилась на свидание с Луи, сыном французского посла в ООН, когда столкнулась с ним на мероприятии через месяц после нашего с Рисом киновечера.

Луи явился на свидание ровно в семь с букетом красных цветов и с очаровательной улыбкой, которая увяла, едва он увидел за моей спиной угрюмого телохранителя – Рис стоял так близко, что я чувствовал тепло его тела.

– Это тебе. – Луи вручил мне цветы, с тревогой поглядывая на Риса. – Прекрасно выглядишь.

Позади раздалось низкое рычание, и Луи сглотнул.

– Спасибо, очень красивые, – ответила я с любезной улыбкой. – Надо поставить их в воду, сейчас вернусь.

Моя улыбка исчезла, как только я повернулась спиной к Луи и посмотрела на Риса.

– Мистер Ларсен, пожалуйста, следуйте за мной. – Как только мы зашли на кухню, я прошипела: – *Прекрати* угрожать моим ухажерам пистолетом.

Я не видела произошедшего, но догадалась: скорее всего, Рис слегка отодвинул куртку, продемонстрировав оружие.

Луи – не первый, с кем я встречалась в Нью-Йорке, хотя в последний раз я ходила на свидание несколько месяцев назад. Рис упорно распугивал всех объектов моего романтического интереса, и половина местных мужчин боялись приглашать меня на свидание, опасаясь, что он их пристрелит.

Прежде меня это не беспокоило – мне было плевать на тех парней, – но теперь начало раздражать, поскольку я активно пыталась избавиться от странного влияния Риса.

Рис помрачнел:

– В его ботинках увеличители роста. Он заслуживает угроз.

Я поджала губы, но быстрый взгляд на ноги Луи подтвердил наблюдение Риса. Я думала, он выше. Ничего не имею против увеличителей роста, но восемь сантиметров – это как-то уже слишком.

Я не обратила внимания на увеличители роста, но, к сожалению, не могла не заметить полного отсутствия химии.

Мы ужинали в прекрасном французском ресторане, и я изо всех сил пыталась не уснуть, пока Луи болтал о лете

в Сен-Тропе. Рис сидел за соседним столиком с таким мрачным видом, что его соседи решили переместиться.

К концу ужина Луи настолько переволновался из-за угрожающего присутствия телохранителя, что опрокинул бокал с вином и чуть не уронил поднос проходящего мимо официанта.

– Все в порядке, – заверила я, помогая жутко смущенному Луи убрать беспорядок, пока официант суетился над испачканной льняной скатертью. – Просто не повезло.

Я строго глянула на Риса, но не увидела ни намека на раскаяние.

– Конечно, – улыбнулся Луи, но ужас в его глазах никуда не делся.

Когда мы закончили уборку, он оставил официанту щедрые чаевые и вежливо пожелал мне спокойной ночи. На второе свидание Луи меня не пригласил.

Я не расстроилась. Но разозлилась на одну сероглазую занозу в заднице.

– Ты напугал Луи до полусмерти, – заявила я, когда мы с Рисом вернулись домой. Я не могла сдержаться гнева. – В следующий раз постарайся не доводить моего спутника до такого состояния, когда он проливает напитки.

– Раз он такой пугливый, значит, тебя не достоин.

Рис оделся согласно дресс-коду ресторана, но галстук и смокинг не могли скрыть грубой, необузданной мужественности, исходившей от него мощными волнами.

– Ты был вооружен и смотрел на него таким взглядом, будто он убил твою собаку. Тут трудно не занервничать. – Я бросила на столик ключи и выскользнула из каблучков.

– У меня нет собаки.

– Это метафора. – Я распустила волосы и встряхнула пряди. – Продолжай в том же духе, и я превращусь в старую деву из исторических любовных романов. Ты распугал всех парней, встреченных мной за последний год.

Единственное, что не изменилось с нашей первой встречи, – мой отказ обращаться к нему как-либо, кроме мистера Ларсена, и его отказ называть меня как-либо, кроме принцессы.

Рис нахмурился еще сильнее:

– Я перестану их отпугивать, когда ты научишься разбираться в мужчинах. Неудивительно, что с личной жизнью у тебя полный провал. Ты упорно встречаешься исключительно с кретинами.

Я рассвирепела. Нет у меня провала с личной жизнью. Близко к тому, но пока нет.

– Кто бы говорил.

Он скрестил руки на груди:

– В смысле?

– В смысле я не видела, чтобы ты с кем-нибудь встречался с начала нашего сотрудничества. – Я скинула куртку, и его взгляд на мгновение соскользнул к моим обнаженным плечам, прежде чем вернуться к лицу. – Вряд ли ты достаточно

компетентен, чтобы давать советы по поводу личной жизни.

– Я не встречаюсь. Тем не менее вполне могу распознать никчемных идиотов, когда их вижу.

Я умолкла, пораженная его признанием. Рис всегда был рядом в течение дня, но, когда я ложилась спать, его дежурство заканчивалось. Иногда он оставался дома, иногда нет. Я предполагала, что он... был занят в те ночи, когда отсутствовал.

Меня охватила странная смесь облегчения и недоверия. Недоверия, поскольку Рис был настолько великолепен, чтобы большинство женщин легко прощали ему неприветливость и угрюмость. Облегчения, потому что... Ну, я предпочитала не углубляться в причины.

– Ты почти два года соблюдаешь целибат?

Вопрос вырвался прежде, чем я успела подумать – и я сразу об этом пожалела.

Рис изогнул бровь, хмурый взгляд превратился в ухмылку.

– Интересуешься моей сексуальной жизнью, принцесса?

Щеки обожгло смущение – из-за моего неуместного вопроса и произнесенного им слова «секс».

– Ничего подобного.

– Я хоть и не учился в престижном колледже, но умею считывать подтекст. – В стальных глазах мелькнуло веселье. – Для протокола: свидания и секс – не одно и то же.

Да. Разумеется.

Облегчение сменилось неприятным чувством. Мысль о том, как он с кем-то «не встречается», нервировала сильнее, чем следовало.

– Понимаю, – ответила я. – Я тоже не всегда встречаюсь с сексуальными партнерами.

Что я несу? Я так давно не занималась сексом, что собственная вагина вполне могла засудить меня за пренебрежение, но я хотела... Доказать, что случайный секс мог быть не только у Риса? Задеть его?

Если последнее, то план сработал: ухмылка Риса исчезла, а в голосе появилась жесткость.

– И когда у тебя последний раз был секс без отношений? Я вздернула подбородок, отказываясь отступить под тяжестью стального взгляда.

– Крайне неуместный вопрос.

– Ты спросила первая, – выдавил он. – Отвечай на вопрос, принцесса.

Дыши. В голове раздался голос дворцового секретаря по связям с общественностью Элин – она учила меня общаться с прессой. *Ты не можешь контролировать их слова, но можешь контролировать свои. Не позволяй им видеть, как ты потеешь. Уклонись, верни себе преимущество и направь разговор в нужное русло. Ты принцесса. Ты никого не боишься.* Элин была строгой, но хорошей, и я воспользовалась ее советом, пытаюсь не попасться на удочку Риса.

Один... два... три...

Я выдохнула, расправила плечи и посмотрела на него сверху вниз, хоть он и возвышался надо мной на добрые двадцать сантиметров.

– Нет. Разговор окончен, – холодно заявила я. *Пока он не зашел слишком далеко.* – Спокойной ночи, мистер Ларсен.

Его глаза назвали меня трусихой. Мои велели ему не лезть не в свое дело.

В воздухе пульсировала тяжелая тишина. Ни один из нас не отводил взгляда. Было поздно, и я устала, но будь я проклята, если бы отступила первой.

Судя по упорному настрою Риса, он думал так же.

Мы могли простоять так целую вечность, если бы не резкая трель входящего вызова. Я подождала, пока телефон прозвонит трижды, прежде чем оторвать глаза от Риса и посмотреть на экран.

Раздражение быстро сменилось удивлением, а потом беспокойством. Звонил Николай. Мы с братом редко говорили по телефону, и в Эльдоре сейчас было пять утра. Он жаворонок, но не *настолько*.

Я ответила, по-прежнему чувствуя испепеляющий взгляд Риса:

– Ник, все в порядке?

Николай не стал бы звонить в такое время без крайней необходимости.

– Боюсь, что нет. – В его голосе прозвучала усталость. – Дедушка...

Внутри забурилась паника, и мне пришлось схватиться за столик, пока Николай объяснял ситуацию. *Нет. Только не дедушка.* Из родителей у меня остался только он, и если я его потеряю...

Рис бросился ко мне с потемневшим от тревоги лицом, но я покачала головой, и он замер. С каждым словом Николая тошнота подкатывала все сильнее.

Пятнадцать минут спустя я повесила трубку, оцепенев от шока.

– Что случилось?

Рис стоял в нескольких метрах от меня, но в его позе чувствовалось напряжение, словно он был готов убить человека на другом конце провода за причиненную мне боль.

Все мысли о глупом споре улетучились – вместо них пришло внезапное желание броситься в его сильные объятия и позволить унести меня прочь.

Но, разумеется, я не могла так поступить.

– Я... Беда с дедушкой. – Я сглотнула слезы, грозившие потечь по щекам. Плакать – ужасное нарушение этикета. Члены королевской семьи не плачут на глазах у других людей. Но сейчас я была не принцессой. А просто внучкой, которая до смерти боялась потерять выросшего ее человека. – Он потерял сознание, его отвезли в больницу, и я... – Я посмотрела на Риса, и грудь сдавило так сильно, что стало трудно дышать. – Не знаю, выживет ли он.

Глава 10

Рис

Бриджит хотела сразу выезжать в Эльдорру, но я заставил ее сперва немного поспать. Позади был долгий день, и если я умел нормально функционировать даже при отсутствии сна, то Бриджит становилась... раздражительной.

Она уверяла, что нет, но это правда. Уж я-то знал. Мне часто доставалось из-за ее раздражительности. Кроме того, в одиннадцать вечера мы почти не могли повлиять на ситуацию.

Пока она спала или пыталась заснуть, я собрал все необходимое, забронировал перелет и провалился на несколько часов в сон, а затем проснулся, чтобы принести кофе и завтрак из ближайшего кафе.

Мы вышли из дома, едва солнце показалось из-за горизонта, и молча поехали в аэропорт Тетерборо. К тому моменту, когда мы сели в чартерный самолет, Бриджит буквально кипела от беспокойства.

– Спасибо, что все устроил. – Она теребила цепочку на шее и покачала головой, когда стюардесса предложила стакан сока. – Ты не обязан...

– Пустяки. Это всего лишь звонок.

Ничто не смущало меня сильнее открытой благодарности. В идеальном мире люди бы молча принимали хорошие по-

ступки и больше никогда о них не вспоминали. Это избавило бы от многих неловкостей.

– Не только звонок. Ты собрал вещи, приготовил завтрак и... был рядом.

– Быть рядом – моя работа, принцесса.

На ее лице промелькнула боль, и я почувствовал себя величайшим в мире ослом. *Молодец, Ларсен, добивай человека в тяжелый момент.*

Если бы я и она не были теми, кем мы были, я попытался бы извиниться, но в нынешнем положении я, вероятно, только сделаю хуже. Красивые слова – не мой конек, особенно с Бриджит. Когда я с ней говорил, все выходило неправильно.

Я сменил тему:

– Похоже, тебе не помешало бы поспать еще.

Она скривилась:

– Я выгляжу настолько ужасно, да?

Именно поэтому мне следует держать рот на замке. Я провел рукой по лицу, смущенный и раздраженный собой.

– Я имел в виду другое.

– Все нормально. Знаю, я выгляжу ужасно, – сказала Бриджит. – Элин, наша секретарь по связям с общественностью, устроила бы мне взбучку, если бы увидела в таком состоянии.

Я фыркнул:

– Принцесса, ты не сможешь выглядеть ужасно, как ни

старайся.

Еще более уставшая, чем обычно, с лиловыми кругами под глазами и потускневшей кожей, она все равно затмевала прочих женщин.

Брови Бриджит взлетели вверх.

– Еще один комплимент, мистер Ларсен? Второй за два года. Осторожнее, или я подумаю, что тебе нравлюсь.

– Понимай, как хочешь, – протянул я. – Но ты понравишься мне в тот день, когда я понравлюсь тебе.

Бриджит искренне улыбнулась, и я почти улыбнулся в ответ. Вопреки сказанному теперь мы прекрасно ладили, за исключением редких ссор. Поначалу пришлось нелегко, но мы приспособились и научились находить компромисс... Не считая моментов, когда дело касалось ее свиданий.

Ни один из ублюдков не стоил времени Бриджит, и им еще повезло, что я не выколол им глаза, если учесть, как они на нее пялились.

Если бы я не ходил с ней на свидания, они бы точно попытались что-нибудь сделать, и от этой мысли закипала кровь.

Я заметил, что Бриджит то и дело поглядывает на бортовой телефон, и наконец сказал:

– Лучше бы он не звонил.

Принц Николай обещал сообщать о любых изменениях. Их пока не было, но в такой ситуации отсутствие новостей – хорошие новости.

Она вздохнула.

– Знаю. Просто схожу с ума от неведения. Мне следовало быть там. Следовало вернуться после выпуска, а не настаивать на жизни в США. – Ее глаза наполнились виной. – Вдруг я больше никогда его не увижу? Что, если он...

– Не думай так. Мы скоро приедем.

До Атенберга было семь часов полета. За семь часов могло произойти многое, но я держал эту мысль при себе.

– Он нас вырастил, понимаешь. – Бриджит с отсутствующим видом смотрела в окно. – После смерти отца дедушка изо всех сил старался исполнить для нас с Ником роль родителя. Он король, и у него всегда полно забот, но он уделял нам время при малейшей возможности. Завтракал с нами каждое утро, когда был дома, и посещал все школьные мероприятия, даже самые маленькие, глупые и неважные. – Ее губы тронула легкая улыбка. – Однажды он перенес встречу с премьер-министром Японии, чтобы посмотреть, как я исполняю роль Подсолнуха Номер Три в спектакле пятого класса. Я была ужасной актрисой, и даже королевского статуса оказалось недостаточно, чтобы получить роль с репликами.

Уголки моих губ поползли вверх – я представил маленькую Бриджит в наряде подсолнуха.

– Устроила международный скандал в десять лет. Почему я не удивлен?

Она посмотрела на меня с деланным оскорблением.

– Для протокола: мне было одиннадцать, и премьер-ми-

нистр отнесся с пониманием. Он сам дедушка. – Ее улыбка померкла. – Не представляю, что буду делать, если с ним что-нибудь случится, – прошептала она.

Речь шла не о премьер-министре.

– Все всегда как-нибудь решается.

Не совсем правда, но других слов я подобрать не смог.

Из меня, правда, дерьмовый утешитель. Именно поэтому я стал телохранителем, а не медсестрой.

– Ты прав. Конечно. – Бриджит глубоко вздохнула. – Прости. Не знаю, что на меня нашло. Обычно я так себя не веду. – Она покрутила на пальце кольцо. – Хватит обо мне. Расскажи о себе что-нибудь, чего я не знаю.

Перевод? *Отвлеки меня от того, что мой дедушка, возможно, умирает.*

– Например?

– Ну... – Она задумалась. – Твоя любимая пицца.

Она не задавала этого вопроса во время моего импровизированного интервью за ужином в честь ее выпускного.

– Я не ем пиццу. – Я ухмыльнулся, увидев шок на ее лице. – Шучу. Не будь такой доверчивой, принцесса.

– За два года я ни разу не видела, чтобы ты съел хоть кусочек. Все возможно, – возразила она, защищаясь.

Моя улыбка стала чуть шире.

– Не самая любимая еда, но предпочитаю пеперони. Я за простоту.

– Оно и видно.

Бриджит скользнула взглядом по моей простой черной футболке, брюкам и ботинкам. Некоторые клиенты требовали парадный вид – костюм, галстук, наушник, полный комплект, – но Бриджит не хотела, чтобы я выделялся, отсюда и повседневный стиль.

В ее внимании не было сексуального подтекста, но я все равно почувствовал напряжение в паху, когда ее взгляд скользнул с моих плеч на живот и бедра. Количество спонтанных эрекций, возникающих рядом с ней, начинало меня смущать, учитывая, что я взрослый мужчина, а не переполненный гормонами школьник.

Но таких потрясающих девушек, как Бриджит, встретишь всего раз в жизни, к тому же она была яркой личностью. *И хорошей* – ну, когда не сводила меня с ума своей твердолобостью.

Когда я взялся работать на Бриджит, то ожидал встретить избалованную и заносчивую принцессу, но она оказалась умной, доброй и практичной, а за спокойным фасадом сиял такой огонь, что мне хотелось снять с нее все маски, пока она не откроется мне и мне одному.

Взгляд Бриджит задержался у меня ниже пояса. Член набух еще сильнее, и я вцепился в подлокотники побелевшими пальцами. Какой бред. Она переживает из-за умирающего дедушки, а я мечтаю оттрахать ее во всех позах посреди чертового самолета.

У меня серьезные проблемы. И синие яйца – наименьшая

из них.

– Хватит так на меня смотреть, принцесса, – убийственно мягко произнес я. – Если только ты не планируешь что-нибудь сделать.

Пожалуй, я произнес самую неуместную и непрофессиональную фразу за все время нашего с ней сотрудничества, но я балансировал на грани безумия.

Несмотря на вчерашние намеки, я не прикасался к женщинам с тех пор, как устроился на эту работу. Не сказать, чтобы я не хотел. Я ходил в бары, флиртовал и получал массу предложений, но совершенно ничего не чувствовал. Ни искры, ни похоти, ни желаний. Я бы уже начал беспокоиться о своем мальчике, если бы не реакции на Бриджит.

Теперь единственной женщиной, из-за которой твердел мой член, была моя клиентка.

Я самый невезучий человек на свете.

Бриджит вскинула голову, широко раскрыв глаза.

– Я не... я не...

– Задавай следующий вопрос.

– Что?

– Ты вроде хотела больше обо мне узнать. Задавай следующий вопрос, – процедил я сквозь зубы. *Что угодно, только бы отвлечься от нестерпимого желания задрать твою юбку и выяснить, насколько сильно ты из-за меня промокла.*

Тут сомнений не возникало. Несмотря на нынешний период долгого воздержания, я обладал достаточным опытом в

общении с противоположным полом и видел признаки женского возбуждения за километр.

Расширенные зрачки, покрасневшие щеки, прерывистое дыхание.

Да, да и, черт возьми, да.

– Ой... гм... – Бриджит откашлялась. Я еще никогда не видел ее такой смущенной. – Расскажи мне... Расскажи о своей семье.

Мое либидо словно окатили ведром холодной воды.

Я напрягся, и страсть улетучилась, пока я раздумывал над ответом.

Разумеется, она спросила именно о том, что я обсуждать ненавижу.

– Рассказывать особо нечего, – наконец заговорил я. – Братьев или сестер нет. Мать умерла, когда я был ребенком. Отца никогда не знал. Бабушки и дедушки тоже умерли.

Возможно, последнюю часть стоило опустить, учитывая состояние ее деда, но Бриджит не смутилась. В ее глазах блеснуло сочувствие.

– Что случилось?

С кем именно, уточнять не требовалось. *Дражайшая матушка.*

– Передозировка, – коротко ответил я. – Кокаин. Мне было одиннадцать, и я нашел ее, когда вернулся из школы. Сидела перед телевизором, шло ее любимое ток-шоу. На журнальном столике осталась недоеденная тарелка макарон. Я

думал, она уснула – иногда она так делала, когда смотрела телевизор, – но когда подошел ближе... – Я тяжело сглотнул. – Ее глаза были широко раскрыты. И ничего не видели. Я понял: она ушла.

Бриджит затаила дыхание. Моя история всегда вызывала сочувствие у слушателей, и поэтому я ненавидел ее рассказывать. Я не хотел ничего сочувствия.

– Знаешь, что забавно? Я взял тарелку с макаронами и вымыл, будто мать проснется и накричит на меня, если я этого не сделаю. Потом помыл остальную посуду в раковине. Выключил телевизор. Вытер журнальный столик. И только после набрал 911. – Я мрачно усмехнулся, а Бриджит посмотрела на меня с невыносимой лаской. – Она уже умерла, но мне казалось, она не будет мертва по-настоящему, пока не приедет «Скорая» и не объявит официально. Детская логика.

Это была самая длинная фраза, сказанная мной о матери более чем за двадцать лет.

– Мне очень жаль, – тихо проговорила Бриджит. – Потеря родителя никогда не дается легко.

Она знала об этом лучше всех. Бриджит потеряла обоих родителей, и одного из них никогда не видела. Точно так же, как я – правда, была вероятность, что мой отец еще жив, а вот ее мать умерла при родах.

– Не жалея меня, принцесса. – Я крутил в пальцах стакан, желая, чтобы в нем было что-нибудь покрепче воды. Я не

пил алкоголь, но иногда хотелось. – Моя мать была сукой.

Глаза Бриджит изумленно расширились. Мало кто рассказывает о смерти матери, а потом без колебаний называет эту мать сукой.

Но если кто и заслуживает подобного титула, так это Дейдре Ларсен.

– Тем не менее она была моей матерью, – продолжил я. – Единственным оставшимся родственником. Я понятия не имел, кто мой отец – в любом случае он явно не желал иметь со мной ничего общего. Поэтому да, мне было грустно из-за ее смерти, но я не отчаивался.

Черт, да я испытал облегчение. Звучит безумно и ненормально, но жизнь с моей матерью была кошмаром. Я несколько раз подумывал о побеге, но меня каждый раз удерживало ошибочное чувство преданности.

Хоть Дейдре и превратилась в жестокую алкоголичку и наркоманку, у нас с ней не было никого в мире, кроме друг друга. Наверное, это кое-что значило.

Бриджит наклонилась вперед и сжала мою руку. Я напрягся, словно меня неожиданно ударило током, но сохранил стоическое выражение лица.

– Твой отец даже не представляет, как много теряет.

В ее голосе прозвучала искренность, и у меня сжалось сердце.

Я смотрел вниз, на контраст ее мягкой, теплой ладони с моей грубой, мозолистой рукой.

Чистота и кровавые следы. Невинность и тьма.

Два мира, которым никогда не следовало соприкасаться.

Я выдернул руку и резко встал.

– Мне нужно пойти... заняться документами.

Ложь. Я подготовил все документы для срочной поездки в Эльдорру еще вчера вечером, и мне не хотелось оставлять Бриджит одну, но я должен был уйти от нее и перегруппироваться.

– Хорошо.

Похоже, ее поразила внезапная смена настроения, но больше ничего сказать она не успела – я отошел и опустился на сиденье за ее спиной, чтобы не смотреть ей в лицо.

В голове беспорядочно роились мысли, член снова затвердел, а от моего профессионализма не осталось и следа.

Я провел рукой по лицу, молча проклиная себя, Кристиана, предыдущего телохранителя Бриджит – за то, что завел гребаного ребенка и оставил пост – и всех, кто спровоцировал бредовую ситуацию, в которой я оказался. А именно – возжелал того, кого хотеть не должен и никогда не смогу получить.

Я взялся за эту работу, полагая, что у меня одна задача, но теперь стало ясно: их две.

Первая – защитить Бриджит.

Вторая – перед ней устоять.

Глава 11

Бриджит

Мы с Рисом больше не разговаривали до конца полета, но он достаточно отвлек меня от ситуации с дедушкой – я задремала. Накануне ночью я не сомкнула глаз и проспала почти весь полет.

Но когда мы приземлились, взвинченное состояние вернулось, и я изо всех сил старалась не сорваться и не заорать на водителя, требуя ехать быстрее, пока мы мчались через центр к больнице. Каждая секунда на красном светофоре казалась утраченной секундой рядом с дедушкой.

А вдруг я опоздаю на минуту, две или три?

Закружилась голова, и мне пришлось закрыть глаза и заставить себя сделать глубокий вдох, чтобы не утонуть в тревоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.